

Бібліотека
Дениса Лукіяновича

ют преимущественно южнорусское население, но получают сперва от литовских князей, а потом от польских королей магдебургское право и значительныя льготы. Приливъ западныхъ колонистовъ вноситъ новый духъ въ южнорусское мѣщанство; въ борьбѣ за свои сословныя права оно постепенно доходитъ до мысли отстаивать также свои религіозныя и національныя интересы, составляетъ для этой цѣли церковныя братства, основываетъ школы и типографіи, пытается отвоевать себѣ право участія въ управленіи церковными дѣлами. Вліяніе новыхъ политическихъ обстоятельствъ отражается и на языкѣ новой Ю. литературы. Господство древне-церковнаго языка внѣ церкви падаетъ; занесенное изъ Болгаріи «добрословіе» почти не коснулось Южной Руси; письменный языкъ подпадаетъ сильному вліянію того государственнаго и канцелярскаго языка, который выработался въ Литвѣ на основаніи бѣлорускаго нарѣчія, съ примѣсю польскихъ и латинскихъ терминовъ. По мѣрѣ своего распространенія въ Южной Руси этотъ языкъ въ концѣ XVI в. все болѣе и болѣе приближается къ мѣстному южнорусскому или украинскому языку, хотя и здѣсь не обошлось безъ реакціи. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ рычаговъ дальнѣйшаго развитія письменности и всей духовной жизни является книгопечатаніе, занесенное туда въ концѣ XV в. нѣмцемъ Швайпльтомъ Фіолемъ (1491), отпечатавшимъ въ Краковѣ пять церковно-славянскихъ литургическихъ книгъ. Въ XVI в. печатають русскія книги Францискъ Скорина въ Прагѣ (1517 г.), потомъ въ Вильнѣ (1527). Вмѣстѣ съ другими югославянскими произведеніями, почерпнутыми иногда изъ латинскихъ источниковъ (Александріей сербской редакціи, Никодимовымъ евангеліемъ, переведеннымъ съ латынскаго), приходятъ и сербскія печатныя изданія Вождара Вуковича (1536—38), употреблявшіяся въ Ю. церквяхъ и монастыряхъ кое-гдѣ еще въ XVIII в. 40 лѣтъ спустя послѣ виленскихъ изданій Скорины начинается въ Южной Руси, съ легкой руки московскихъ выходцевъ Ивана Ѳедорова и Юрія Мстиславца, правильное книгопечатаніе, сперва въ Забудовѣ, потомъ въ Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ и друг. менѣе значительныхъ городахъ и м-ряхъ, позже—въ Кіевѣ и Черниговѣ. Самое важное и замѣчательное изъ Ю. изданій конца XVI в. — знаменитая Острожская Библия 1580—81 гг. Это первое полное изданіе церковно-славянскаго перевода всей Библии. Появляются и переводы евангелія на народный южнорусскій языкъ. Князь Курбскій, поселившись на Волыни, имѣлъ вліяніе на развитіе просвѣщенія въ Южной Руси. Горячій защитникъ православія, онъ видѣлъ его слабость въ недостаткѣ книгъ, самъ переводилъ творенія Іоанна Дамаскина, поощрялъ молодежь изучать греческій и латинскій языки, искать образованія въ западныхъ университетахъ. Послѣднія два десятилѣтія XVI в. ознаменовались значительнымъ подъемомъ общественнаго и умственнаго движенія въ Южной Руси. Изъ сближенія съ Западомъ

вырастаетъ цѣлый рядъ конфликтовъ между православными и латинянами, какъ борьба за реформу календаря и за церковную унію съ Римомъ (см. Унія, XXXIV, 821 сл.). Въ этой борьбѣ принимаютъ участіе не только духовные, но и мірскіе люди. Въ 1596 г. печатается первая грекославянская грамматика «Адельфотисъ». Возникають многочисленныя школы, прежде всего въ городахъ, при братствахъ, которыя одною изъ своихъ главныхъ цѣлей ставятъ содержаніе «даскала», т. е. учителя. Самый могущественный защитникъ православія, князь Константинъ Острожскій, основываетъ академію въ Острогѣ и всячески поощряетъ талантливыхъ и ученыхъ южноруссовъ къ защитѣ православія. Въ Острогѣ работаютъ Герасимъ Смотрицкій (см.), Василій Суражскій, авторъ ученой, но нѣсколько механически составленной «Книжицы о вѣрѣ единой» (1588), блестящій полемистъ Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокризиса» (1598) или отвѣта православныхъ на второе изданіе книги Скарги «O jedności kościoła Bożego» и на уніатское изложеніе исторіи собора 1596 г. Во Львовѣ въ защитѣ православія выступаютъ мѣщане, главнымъ образомъ Красовскій и Рогатынець, послѣдній, вѣроятно, авторъ замѣчательнаго трактата: «Пересторога всѣмъ православнымъ зѣло потребная». Живостью изложенія, богатствомъ и образностью языка и искренностью чувства всѣхъ превосходитъ Иванъ Вишенскій, уроженецъ Галицкой Руси, аеонскій монахъ, который въ своихъ посланіяхъ, кромѣ полемики съ латинянами, указываетъ православному необходимость коренной реформы собственной жизни, необходимость демократизаціи общества и стойкости характера. Идеи Ивана Вишенскаго раздѣлялъ его другъ, тоже аеонскій монахъ Іовъ Княгиницкій, основавшій иноческую обитель въ пустыни Марковой въ Карпатскихъ горахъ. Его наслѣдникъ на игуменствѣ Ѳеодосій положилъ своимъ уставомъ общежитія и своимъ увѣщаніемъ къ инокамъ начало реформы православнаго иночества. Скитъ Манявскій сдѣлался исходной точкой возрожденія, и благодаря ему православіе держалось въ Галицкой Руси вплоть до конца XVII в. Скитъ былъ тоже очагомъ церковной проповѣди и поученій. Его основатель оставилъ намъ одну изъ первыхъ попытокъ литературной критики—разборъ сочиненія Кирилла Гранквилліона-Ставровецкаго: «Зерцало богословія». Инокъ Игнатій изъ Любарова написалъ интересное житіе Іова. Православіе защищали и другіе писатели, напр. братья Зизаніи-Тустановскіе, Стефанъ и Лаврентій (Лаврентій—авторъ церк.-слав. грамматики и букваря), Памва Беринда, авторъ перваго словаря церковнославянскаго языка (1627) и разныхъ панегирическихъ стихотвореній,—и наиболѣе плодовитый и начитанный, но наименѣе стойкій изъ нихъ Кирилль Гранквилліонъ Ставровецкій, авторъ «Учительнаго евангелія» (1619), «Зерцала Богословія» (1618), служившаго руководствомъ для священниковъ, и интереснаго собранія прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, изданныхъ уже послѣ смерти автора, подъ загл.

«Перло многоцѣнное» (1646). Особенно стихотворныя части этой книги замѣчательны своимъ стихосложеніемъ, очень близкимъ къ той оригинальной формѣ, въ какой дошли до насъ изъ устъ кобзарей украинскія казацкія думы. Ставровецкій передъ смертью измѣнилъ православію и умеръ униатомъ. Среди противниковъ православія главное мѣсто занималъ Ипатій Поцѣй, главный зачинщикъ униі, епископъ владимірскій, впоследствии униатскій митрополитъ кievскій, одинъ изъ лучшихъ мастеровъ тогдашняго языка (его образцомъ былъ Скарга), авторъ полемическихъ сочиненій: «Унія» (1595), «Антиррезисъ» (1599), «Гармонія» (1608) и отвѣта на письмо Мелетія Пигаса (1606), а также значительнаго числа проповѣдей, оставшихся не напечатанными и изданныхъ впоследствии Львомъ Кишкой въ польскомъ переводѣ. Поцѣй—талантливый полемистъ, хорошо владѣетъ всѣми приемами іезуитскаго краснорѣчія, умѣетъ мастерски поддѣлываться подъ личину сердечности и смиренномудрія, чтобы потомъ вдругъ перейти въ гордый и заносчивый тонъ челоуѣка власть имущаго. Въ этомъ отношеніи открытое письмо Мелетія и отвѣтъ на него Поцѣя составляютъ самый яркій и поучительный контрастъ. Возлѣ Поцѣя можно назвать развѣ Вельямина Рутскаго, реформатора Базилианскаго ордена, который писалъ только по-польски и по-латыни и положилъ начало довольно богатой польской письменности Ю. базилианъ въ XVII—XVIII в. Шатаніе между Русью и Польшей, между православіемъ и унией или латинствомъ заѣдаетъ въ первой половинѣ XVII в. двухъ очень талантливыхъ, но слабохарактерныхъ южнорусовъ: Кассіана Саковича, сперва ректора братской школы въ Кіевѣ и автора стиховъ на похороны гетмана Петра Конашевича (1622), потомъ яраго «перекинчика», латинника и автора многихъ злобныхъ сочиненій противъ православія,—и Мелетія Смотрицкаго, сына Герасима, автора цѣнной полемической книги «Threnos, to jest lament wschodniej Serkwie» (1610) и другихъ полемическихъ сочиненій въ защиту православія, которому онъ впоследствии измѣнилъ (см. Мелетій Смотрицкій, XIX, 23). Около 1620 г. на первый планъ умственного и литературнаго движенія Южной Руси выступаетъ опять Кіевъ и удерживаетъ за собой это главенство почти до половины XVIII в. Здѣсь возникаютъ въ 1615 г. братская школа и типографія при Печерскомъ монастырѣ, который вмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ рядъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ людей, какъ Елисей Плетенецкій, усидчивый переводчикъ съ греческаго разныхъ святоотеческихъ твореній, и Захарія Копыстенскій, ученый догматистъ («Книга о вѣрѣ»), переводчикъ и исправитель чужихъ переводовъ и, главное, авторъ «Палинодіи», монументальнаго полемическаго сочиненія противъ униі, которое можно смѣло назвать суммой и вѣнцемъ всей южнорусской антиуниатской полемики. Въ свое время это сочиненіе не допало въ печать и не имѣло такого вліянія, какое могло бы имѣть. Оно свидѣтельствуетъ о громадной эрудиціи и стро-

го логическомъ мышленіи автора, написано очень легко, живо и увлекательно, окрашено кое-гдѣ южнорусскимъ юморомъ и оживлено искреннимъ патриотизмомъ. Къ Печерскому монастырю и его кругу примыкаютъ Іовъ Борецкій, митрополитъ, одинъ изъ авторовъ полемическаго сочиненія противъ Смотрицкаго, Кальнофойскій, авторъ книги о чудесахъ Печерскаго монастыря («Tegaturgeta»), и Сильвестръ Коссовъ, впоследствии митрополитъ, переводчикъ и первый издатель Печерскаго Патерика. Петръ Могила (см. XXIII, 484) вноситъ небывалое оживленіе въ церковную и умственную жизнь всего народа. Главное дѣло его жизни—основаніе Киево-Могилянскій коллегіи, которая должна была сдѣлаться забраломъ православія и южнорусской національности, пользуясь тѣмъ же оружіемъ, какимъ велись на нихъ нападенія со стороны враговъ—наукой и просвѣщеніемъ. Могила кладетъ начало реорганизаціи православной церкви, заботится о печатаніи литургическихъ книгъ, самъ подъ псевдонимомъ Евсевія Пимина сочиняетъ полемическую книгу «Лиѳосъ» (1642) противъ нападеній Саковича и издаетъ много другихъ книгъ, въ томъ числѣ замѣчательную энциклопедію нравственныхъ и житейскихъ поученій «Анеологію» (1636 г.; первое русское изданіе богато иллюстрированное). Последующія событія не дали надлежащаго роста сѣменамъ, брошеннымъ его рукой. Не прошло года послѣ его смерти, какъ въ Южной Руси вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, произведшее глубокія измѣненія во всемъ жизненномъ строѣ Украины.—Въ XVI в. расцвѣтъ польской литературы захватилъ въ свое теченіе и многихъ южноруссовъ. Появляются переводимые съ польскаго сборники рассказовъ въ родѣ «Римскихъ дѣяній», «Семи мудрецовъ», «Трехъ королей» и «Большаго Зеркала». Появляются рифмованные памфлеты на текущія событія, какъ утраченныя вирши Смотрицкаго отъ 1598 г. противъ реформы календаря («Вирши на отступниковъ»), какъ «Ляментъ» по поводу избіенія православныхъ въ Острогѣ въ 1622 г. или другой «Ляментъ людей побожныхъ» отъ 1638 г. Появляются назидательные и забавные діалоги (души съ тѣломъ, православнаго съ униатомъ, Банкетъ духовный), начатки религіозной драмы, вертепа, интермедіи, какъ «Разговоры» львовскаго учителя при ставропигійской школѣ Леонтія Волковича (1630, 1631), интермедіи поляка Гаваттовича (1619). Параллельно съ этимъ движеніемъ и среди вновь возникшаго общественнаго военнаго класса—козачества—зарождается новая эпическая поэзія: дума. Наиболѣе давнія свидѣтельства о существованіи въ Южной Руси пѣсенъ, названныхъ думами, мы имѣемъ съ начала XV стол., но тексты думъ отъ XV и XVI стол. до насъ не дошли. Самое названіе этихъ пѣсенъ—сербское (дума—слово, рассказъ); свидѣтельства о похожденияхъ сербскихъ пѣвцовъ и музыкантовъ по Южной Руси и Польшѣ дѣлаютъ правдоподобною догадку, что въ то время думами назывались пѣсни, своей формой и содержаніемъ подобныя той южно-

русской пѣснѣ, что напечатана какъ образецъ южнорусскаго языка 1586 г. въ грамматикѣ словинца Богорича, и сходнымъ съ ней въ отношеніи формы пѣснямъ о казакѣ Байдѣ и о взятіи казаками Варны. Только въ первой половинѣ XVII в. казацкая эпика, подъ влияніемъ южнорусскихъ книжныхъ виршей, выливается въ ту оригинальную форму, какую видимъ въ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ, о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, о Самойлѣ Кишкѣ, о Марусѣ Богуславкѣ. Внутреннія и внѣшнія свидѣтельства заставляютъ насъ отнести составленіе этихъ замѣчательныхъ думъ къ первой половинѣ XVII в. Кромѣ думъ слагались тогда же въ казацкихъ таборахъ и другія пѣсни, болѣе лирическаго склада; въ этомъ убѣждаетъ насъ пѣсня о казакѣ, увезшемъ крестьянскую дѣвушку въ свои степи (напечатана въ 1625 г. въ одной польской брошюрѣ). Народное возстаніе противъ польскаго владычества, вспыхнувшее въ 1648 г., повлекло за собой рядъ упорныхъ и кровопролитныхъ войнъ, слѣдствіемъ которыхъ было разорваніе Украины на лѣвобережную, примкнувшую къ Московскому государству, и правобережную, оставшуюся частью при Польшѣ, частью при Турціи. Эта политическая эволюція сопровождалась болѣе глубокой общественной и національной. Правобережная Украина многократно подвергалась ужаснымъ опустошеніямъ; почти всѣ большіе города пришли въ упадокъ; населеніе гибло или бѣжало въ лѣвобережную Украину, заселяя громадныя степныя пространства. Возникаетъ Слободская Украина, въ которой продолжаютъ прежнія просвѣтительныя и книжныя традиціи; съ другой стороны въ правобережной Украинѣ берутъ рѣшительный перевѣсъ унія и польскій элементъ; украинская шляхта окончательнo ополячивается, образованные украинцы говорятъ и пишутъ по-польски или по-латыни. Только въ далекихъ западныхъ окраинахъ, въ Карпатскихъ горахъ и прилегающемъ къ нимъ подгорьѣ хранится традиція Зизаніевъ и Ставровецкихъ, живеть письменность, ютящаяся въ рукописныхъ сборникахъ у деревенскихъ поповъ и «даскаловъ», близкая къ языку народа, запоздалая по своему содержанію, но все-таки сохраняющая традиціи національнаго единства съ Кіевской и Заднѣпровской Украиной. Кіевъ въ 1654 г. перешелъ къ Россіи и не палъ жертвой послѣдующей затѣмъ «руины». Насажденное здѣсь Моголой школьное обученіе не прерывалось; во второй половинѣ XVII стол. Кіевъ дѣлается центромъ просвѣщенія и письменности не только Украины, но и всей Россіи. Кіевскіе ученые переносятъ просвѣщеніе въ Москву и даютъ начало новому ея умственному движенію, завершившемуся реформами Петра Великаго. Дѣятельность кіевскихъ ученыхъ Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Теофана Прокоповича принадлежитъ только меньшей частью Украинѣ, хотя всѣ они—воспитанники кіевской школы, стремившейся довольно механически совмѣстить латинско-

іезуитскіе приемы обученія съ православнымъ содержаніемъ. Это типически отражается на самомъ большемъ и самомъ популярномъ среди южныхъ и сѣверныхъ руссовъ сочиненіи этой школы—на «Четвухъ Минейхъ» Дмитрія Ростовскаго, писанныхъ церковнымъ языкомъ на основаніи Маркарьевскихъ Четвухъ Миней съ одной и іезуитскихъ «Acta Sanctorum» и даже Скаргиныхъ «Żywotów Świątych» съ другой стороны. Кіевская ученость второй половины XVII в. не сослужила той службы, какой могло ожидать отъ нея общество. Запоздалая и по методу, и по содержанію, она была слишкомъ шаблонная и оторванная отъ жизни, слишкомъ теологическая и схоластическая. Иннокентій Гизель, уснастившій свой «Синописисъ» (1674) рассказами о привилегіяхъ, данныхъ славянамъ Александромъ Македонскимъ, о сарматахъ, о Мосохѣ, о созданіи Кіева и т. п., не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Хмельницкомъ и о событіяхъ 1648—54 годовъ. Самые талантливые и плодовитые Ю. писатели того времени, Лазарь Барановичъ и Іоанникій Голятовскій, пишутъ большую часть своихъ сочиненій по-польски и возвращаются исключительно въ кругъ проповѣдей, житій святыхъ или церковной полемики. Отливъ самыхъ талантливыхъ и энергическихъ людей изъ Южной Руси на сѣверъ вызвалъ опять, какъ и въ XIV стол., оскуднѣніе силъ и измельчаніе идей и характеровъ. Только въ Червонной Руси еще мелькаетъ энергичная фигура епископа Іосифа Шумлянскаго, но онъ больше похожъ на итальянскаго кондотьера XV в., чѣмъ на православнаго іерарха. Его «Метрика» и его «дума» о походѣ подъ Вѣну въ 1683 г. не лишены, однако, литературнаго интереса. Школьная драма, заимствованная кіевской коллегіей съ Запада, одна только произвела въ Ю. литературѣ нѣкоторые жизнеспособные ростки. Первые извѣстные намъ ея опыты (объ Алексѣѣ челоуѣкѣ Божіемъ) очень невысокаго качества; немногимъ выше и болѣе поздній «Владиміръ», и цѣнная развѣ какъ проявленіе довольно туманнаго Ю. патриотизма драма «Милость Божія», воспѣвающая (почти 50 лѣтъ спустя послѣ событій) освобожденіе Южной Руси Богданомъ Хмельницкимъ. Кіевская школьная драма цѣнна для насъ своими интермедіями, безъ претензій, но живо изображающими сцены изъ тогдашняго быта. Особенно интересны интермедіи Митрофана Довгалевскаго и Варлаама Лащевскаго. Благодаря именно интермедіямъ школьная драма привилась не только въ Украинѣ, но и въ Москвѣ, и въ Ростовѣ, и въ Иркутскѣ, и въ Новомъ Садѣ на югѣ Венгріи, гдѣ въ половинѣ XVIII в. одинъ изъ воспитанниковъ кіевской школы, Михаилъ Козачинскій, насаждаетъ «славяносербское» просвѣщеніе и пишетъ по образцу кіевскому первую драму изъ сербской исторіи. Почти совершенно независимо отъ кіевской школы стоитъ украинская исторіографія. Можно удивляться скудости украинскихъ историческихъ записокъ и мемуаровъ, оставленныхъ намъ богатыми событіями XVII-мъ ст.; начало.

сдѣланное въ этомъ отношеніи Евлашевскимъ еще въ XVI стол., не нашло продолжателей. Первая половина XVII в., такъ много создавшая полемическихъ и аскетическихъ сочиненій, не произвела въ историографіи ничего кромѣ ряда краткихъ лѣтописей съ погодными записями происшествій (лѣтописи Львовская, Черниговская, Густынская, такъ назыв. Достовѣрная, такъ назыв. Боркулабовская, Добромильская и т. п.) Такія записи продолжались и позже (Солотвинская лѣтопись, записки разныхъ монастырей, напр. Мгарскаго, Пльснискаго). Болѣе обширныя воспоминанія о событіяхъ до и послѣ 1648 г. писались даже южноруссами польски (Ерличь). Только въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вв. возникаетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра рядъ болѣе обширныхъ историческихъ сочиненій, начиная съ компиляціи Боболинскаго до объемистыхъ трудовъ Самойла Величка, болѣе самостоятельнаго и навѣяннаго горячей любовью къ Украинѣ повѣствованія Самовидца и лѣтописи Грабянки. За этими лѣтописателями героическихъ временъ казачества идутъ мемуаристы Ханенко, Маркевичъ и др., изображающіе процессъ постепенной ассимиляціи украинской казацкой старшины съ великорусскимъ, послѣ-Петровскимъ дворянствомъ. Записки Винскаго (конецъ XVIII в.) показываютъ этотъ процессъ почти уже законченнымъ.—Къ вліянію школьной драмы нужно отнести ежели не возникновеніе, то по крайней мѣрѣ развитіе двухъ родовъ литературы, характерныхъ для Южной Руси конца XVII и XVIII в.—духовныхъ кантовъ и такъ назыв. виршей. Духовныя пѣсни (канты—ежели пѣлись въ унисонъ, концерты—ежели исполнялись полифонически) составляли интегральную часть духовной драмы, но распѣвались (сперва школьниками, позже мѣщанами, дьячками и т. п.) и независимо отъ драмы. Въ другихъ мѣстахъ, напр. на крайнемъ западѣ Червонной Руси, подъ вліяніемъ сосѣдства поляковъ и словаковъ, такіе канты возникали и вовсе независимо отъ драмы и распѣвались въ церквяхъ или во время хожденій на богомолье. Первые извѣстные намъ рукописные сборники кантовъ возникаютъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.; въ 1790 г. вышло первое печатное изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ загл. «Богогласникъ». Выборъ былъ сдѣланъ униатами базилианами съ извѣстной цѣлью: редакторы ввели въ книгу значительное число польскихъ и латинскихъ духовныхъ пѣсень, а редактируя русскіе ихъ тексты сокращали ихъ, передѣлывали и старались изгладить слѣды православнаго происхожденія многихъ пѣсень. «Богогласникъ», не смотря на это, сдѣлался очень популярнымъ и имѣлъ въ продолженіе XIX вѣка болѣе десятка полныхъ или частичныхъ изданій въ Россіи и Галиціи. Интермедіи, внося юмористическій элементъ въ строго-серьезное дѣйствіе драмы, содѣйствовали развитію веселыхъ рассказовъ и «орадій» на темы духовныя и мірскія, историческія и бытовыя. Нѣкоторыя изъ этихъ виршей были просто сокращеніемъ старинныхъ драмъ (напр. вирши о сошествіи Христа въ адъ); другія,

въ формѣ діалоговъ, излагали новыя житейскія потребности и столкновенія («Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей»); третьи разрабатывали бродячіе новеллистическіе сюжеты (вирша о попѣ Негребецкомъ) или апокрифическія темы (о путешествіи Марка въ адъ), или, наконецъ, рисовали картинки ежедневнаго быта (Вакула Чмырь). Пользуясь значительной популярностью, онѣ имѣли вліяніе на тогдашнихъ Ю. стихотворцевъ въ родѣ Климентія Зиновьева или Некрашевича и, что важнѣе, подготовили литературныя формы, нашедшія болѣе высокое художественное развитіе въ новой украинской литературѣ. Совершенно новымъ явленіемъ въ Ю. литературѣ съ точки зрѣнія образованія, ширины воззрѣній и глубины мыслей является мистикъ и моралистъ Сковорода (см. XXX, 217), человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, аскетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ жизнерадостный оптимистъ, требующій отъ жизни возможно малаго и дающій ей взамѣнъ все. Какъ писатель онъ—дитя своего времени и вращается въ его формахъ, пишетъ вирши и пѣсни довольно неуклюжимъ книжнымъ языкомъ, діалоги и трактаты, напоминающіе иногда тонъ Вишенскаго; какъ авторъ «Харьковскихъ басенъ», онъ является предтечей Крылова и Гребенки. Его проповѣдь жизнерадостной гуманности имѣла вліяніе на возродителей новой украинской литературы, Котляревскаго и Квитку. Въ народной словесности, въ массовомъ пѣсенномъ творествѣ XVIII-ый вѣкъ также составляетъ важный моментъ. Украинскій народъ, послѣ ужасныхъ треволненій XVII вѣка, начинаетъ жить болѣе спокойной, упорядоченной, хотя далеко не розовой жизнью. Цѣна человѣческой жизни повышается, личность начинаетъ чувствовать себя и стремиться къ самовыраженію. Героическая эпоха отходитъ въ міръ традиціи; на смѣну національному эпосу—думѣ—выступаетъ народная лирика, достигающая особенно въ женскихъ пѣсняхъ, высокой степени красоты и задушевности. Политическое самосознаніе народа постепенно затемняется, но за то тѣмъ ярче вырабатывается классовое (пѣсни чумацкія, рекрутскія, бурлацкія) и индивидуальное чувство.

IV. *Новая украинская литература.* Конецъ XVIII стол. ознаменованъ рядомъ событій, измѣнившихъ весь жизненный строй Южной Руси. Исчезаетъ польское государство; правобережная Украина соединяется съ лѣвобережной подъ однимъ русскимъ скипетромъ; самая западная часть Ю. земли отходитъ къ Австріи. На всей Ю. территоріи даетъ себя чувствовать просвѣтительное движеніе, могущественною волной хлынувшее съ Запада; возникаютъ школы, семинаріи, гимназіи, университеты, основанные уже не на старыхъ схоластическихъ, но на новыхъ научныхъ началахъ. Пробуждается стремленіе къ уравненію правъ и обязанностей гражданъ, къ упраздненію крѣпостнаго права. Рядомъ съ этимъ идетъ коренное измѣненіе экономическихъ отношеній, [ростъ индустриализма и капитализма, учащеніе экономическихъ кризисовъ. Паденіе Польши вызвало сильное броженіе

въ Южной Руси. Старый взглядъ, что національность—это государство, долженъ былъ рушиться; у поляковъ въ правобережной Украинѣ онъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что національность—это шляхта, пока рядъ бесплодныхъ возстаній и агитацій съ одной стороны и возникновеніе украинской, преимущественно крестьянской и хлопманской литературы и упраздненіе крѣпостного права—съ другой, не наносятъ этому взгляду смертельнаго удара. Уже въ началѣ XIX в., подъ влияніемъ Макферсона «Оссіана», Гердеровыхъ «Идей», и первыхъ шаговъ славянскаго возрожденія, зарождается сознательное стремленіе возсозданія украинской національности посредствомъ изслѣдованія украинской исторіи и народной традиціи. Это стремленіе идетъ на встрѣчу не погасшимъ еще мечтаніямъ украинскаго дворянства объ автономіи страны. Почти одновременно дѣлается первая запись казацкихъ думъ (1808) и пишется талантливый политическій памфлетъ «Исторія Руссовъ», выдававшийся за сочиненіе Георгія Конисскаго, но написанный, какъ доказали новыя изслѣдованія, В. Г. Полетикой, бывшимъ украинскимъ депутатомъ въ Екатерининскую комиссію. 1798-ый годъ считается началомъ новой украинской литературы: въ этомъ году вышла первая часть «Перелицованной Энеиды» И. П. Котляревскаго (XVI, 442). Теперь извѣстно, что Котляревскій для своей поэмы воспользовался готовой канвой и даже стихотворной формой великорусской «Энеиды на изнанку» Осипова; но онъ внесъ въ эту передѣлку столько сердечнаго тепла, тонкаго юмора и живыхъ красокъ своей родины, что его «Энеида», особенно ея первая половина, и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Въ «Энеидѣ» Котляревскій является до извѣстной степени продолжателемъ и художественнымъ усовершенствователемъ украинскихъ виршей XVIII в. (его «Ода до князя Куракина» примыкаетъ къ нимъ еще ближе); въ своихъ драматическихъ опытахъ — «Наталкѣ Полтавкѣ» особенно въ «Москалѣ чаривникѣ», — онъ продолжаетъ, по крайней мѣрѣ въ юмористическихъ роляхъ (Вознаго, Выборнаго и др.) традицію украинскихъ интермедій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Энеидѣ, такъ и въ драмахъ Котляревскій вноситъ и новое: безупречно чистый, народный и богатый языкъ, искреннюю любовь къ родинѣ и особенно къ ея рабочему, слишкомъ часто унижаемому и оскорбляемому населенію. Этотъ глубокий гуманизмъ, котораго первымъ глашатаемъ былъ Сковорода, дѣлается основаніемъ всѣхъ лучшихъ сочиненій украинской литературы XIX в. Почти полстолѣтія она разыгрываетъ разныя варіаціи преимущественно на двухъ струнахъ: юмористической и патетически-сентиментальной. Юмористическій тонъ заимствуетъ у Котляревскаго П. Гулакъ-Артемовскій, не сумѣвший, однако, держаться на идейной высотѣ Котляревскаго; довольно неудачно пробуетъ этотъ тонъ въ своихъ «Наськихъ украинскихъ казкахъ» Іосифъ Бодянский, впоследствии нашедшій свое настоящее призваніе на совсѣмъ другомъ поприщѣ. Юмо-

ристическій тонъ, державшійся у Котляревскаго всегда въ границахъ художественнаго такта, доходящій иногда до шаржа у Гулака-Артемовскаго, превращается въ какое-то юродство у болѣе позднихъ подражателей, какъ Писаревскій, Билецкій-Носенко, Кореницкій и др., не обладавшихъ, притомъ, ни талантомъ, ни широкими взглядами Котляревскаго. Въ 30-хъ годахъ выдвигается на первый планъ симпатичная фигура Григорія Квитки-Основьяненка (XIV, 880), перваго украинскаго новеллиста-бытописателя. И у него, какъ у Котляревскаго, юморъ соединяется съ патетической чувствительностью, которая, однако, не доходитъ нигдѣ до приторности и всегда искренна. Его «Украинскіе рассказы», иногда довольно наивные, до сихъ поръ не потеряли своего значенія благодаря не только прекрасному мелодическому языку, но и широкому знакомству автора съ бытомъ народа, множеству интересныхъ этнографическихъ наблюденій и, главное, теплому чувству любви и жизнерадостности, какимъ они навѣяны. Юмористическій рассказъ «Конотопська видьма», даетъ замѣчательную картину «гетьманскихъ» порядковъ изъ времени ихъ доживанія въ половинѣ XVIII в.; фигуры копотопскаго сотника и особенно его писаря Пистряка являются почти историческими документами. Менѣе счастливъ былъ онъ въ своихъ драматическихъ опытахъ, хотя и здѣсь «Сватанье на Гончаривци» — значительный шагъ впередъ сравнительно съ грубымъ комизмомъ и незатѣйливыми интригами прежнихъ интермедій. Съ 1818 года идетъ изданіе замѣчательныхъ произведеній украинской народной поэзіи (сборники кн. Цертелева, Лукашевича, Максимовича); дилетантскія, но руководимыя непритворнымъ энтузіазмомъ усилія поляка Зоріана Доленги Ходаковскаго обращаютъ вниманіе на богатую археологію Украины; поэты польской «украинской школы» съ политическими цѣлями стараются оживить и среди польской шляхты, и среди народа казацкія традиціи; одинъ изъ нихъ, Падурра, не только старается писать по-украински, но предпринимаетъ въ 1828 г. путешествіе въ мѣста бывшей сѣчи Запорожской и на лѣвый берегъ Днѣпра съ цѣлью пропаганды казацкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонофильскихъ идей. Въ то же время Украина даетъ и русской литературѣ рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, начиная съ Богдановича и Капниста, Нарѣжнаго и Погорѣльскаго, кончая Гнѣдичемъ и гениальнымъ Н. В. Гоголемъ, отецъ котораго, авторъ нѣсколькихъ утраченныхъ и одной уцѣлѣвшей украинской комедіи, принадлежитъ къ современникамъ и подражателямъ Котляревскаго. Всѣ эти украинцы оказываютъ значительное влияніе на великорусскую литературу и въ свою очередь содѣйствуютъ развитію среди украинцевъ гуманныхъ, прогрессивныхъ идей. Нѣкоторые великорусскіе писатели пользуются украинскими сюжетами для выраженія такихъ же свободолобивыхъ и гуманныхъ идей (Рылѣевъ—въ «Исповѣди Наливайки» и «Войнаровскомъ», Пушкинъ—въ «Полтавѣ»). Въ 1840-хъ годахъ

выступает на сцену Шевченко (см. XXXIX, 355), уроженецъ правобережной Украины и специально того ея уголка, гдѣ въ 1768 г. разыгралось «послѣднее историческое событіе старой Украины» — уманская рѣзня. Онъ вынесъ на себѣ всѣ невзгоды непригляднаго сиротства подѣ крестьянской стрѣхой, узналъ польскій элементъ въ самыхъ его центрахъ — Вильнѣ и Варшавѣ, и вздохнулъ свободнѣе только среди русскаго общества и своихъ земляковъ въ Петербургѣ. Въ украинскую поэзію онъ сразу вноситъ то, чего въ ней до тѣхъ поръ не было — страсть, огонь, увлекательность, какую-то элементарную силу. Это уже не идиллическая беззаботность казаковъ Богдана Залѣскаго, не мелодраматическая демоничность гайдамаковъ Гошинскаго, даже не тихая меланхолія Кольцова — это живой человѣкъ съ богатымъ душевнымъ содержаніемъ, живая энергичная натура, для которой поэзія не игрушка, не рисовка, но естественное и простое выраженіе чувства, какъ пѣніе для птицы. Гамма его тоновъ широкая: онъ тоскуетъ, падаетъ духомъ и поднимается, способенъ къ гнѣву и угрозамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ; онъ мечтатель и вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ къ запросамъ дѣйствительности; онъ веселъ, но совсѣмъ безъ юмористической жилки, патетиченъ, но безъ тѣни театральности; онъ вездѣ простъ и искрененъ. Неудивительно, что его поэзія сразу поразила его земляковъ какъ какое-то откровеніе, тѣмъ болѣе, что и внѣшняя форма ея была вполне національна, а языкъ, при всей своей неизысканности образный, мелодическій и колоритный, блестялъ всѣми красотоми родной рѣчи. Его талантъ, особенно послѣ поѣздки въ Украину въ 1843 г., крѣпнетъ и прокладываетъ себѣ новые пути; его мысль дѣлается сильной и смѣлой; въ прошломъ и настоящемъ Украины она доискивается основныхъ социальныхъ явленій и человѣческихъ отношеній. Съ неслыханной въ то время смѣлостью онъ указываетъ изнанку того, чѣмъ восхищались тогдашніе «патріоты» въ прошломъ и настоящемъ Украины и Россіи. Въ то же время выступаютъ еще два замѣчательные и талантливые дѣятеля украинской литературы — П. А. Кулишъ (XVI, 959) и Н. И. Костомаровъ (XVI, 401). Многосторонняя и плодовитая дѣятельность ихъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ русской литературѣ и наукѣ, хотя родная Украина, ея прошлое и нужды ея настоящаго являются главнымъ средоточіемъ ихъ интересовъ и работъ. Усидчивый и энергическій работникъ, собиратель самаго разнообразнаго матеріала, притомъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномерность и силу. Безъ творческой силы, какой обладали, напр., Пушкинъ, Гоголь или Шевченко, Кулишъ всю жизнь искалъ новыхъ дорогъ, сгаралъ страстью сказать какое-то великое слово. Въ данный моментъ твердо увѣренный въ правотѣ своего сужденія, онъ тѣмъ не менѣе вскорѣ отвергалъ его, чтобы опять съ такой же самоувѣ-

ренностью отстаивать какое-нибудь другое. Это колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украины; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и одностороннихъ сужденіяхъ, затрогивались вѣрные и глубокии мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву. Совсѣмъ другого склада человѣкъ былъ Костомаровъ: натура спокойная и уравновѣшенная, съ солидной научной подготовкой, какой не было у Кулиша, онъ рано попалъ въ свою настоящую колею, сдѣлался историкомъ Украины и послѣдовательно всю свою жизнь работалъ надъ выполненіемъ плана, намѣченнаго еще въ 40-ые годы — дать своимъ современникамъ полный курсъ исторіи Украины въ цѣльномъ освѣщеніи, какъ исторіи народа, стремящагося къ федеративному, автономному устройству. Изъ менѣе вліятельныхъ, но все-таки талантливыхъ работниковъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть Евгенія Гребенку, инициатора освобожденія Шевченка отъ крѣпостнаго состоянія, автора посредственныхъ русскихъ рассказовъ, вылившаго всю свою поэтическую душу и любовь къ Украинѣ въ нѣсколькихъ прекрасныхъ лирическихъ пьесахъ и въ двухъ десяткахъ басенъ, написанныхъ по-украински («Малоросійскія приказки», 1834, 1836, 1841). Гребенка шель путей, проложеннымъ въ русской литературѣ Крыловымъ, но шель довольно самостоятельно, не подражая Крылову, внося въ свои басни украинскій пейзажъ и міровоззрѣніе украинскаго мужика. Его сатира не широкая и не ѣдкая, хотя далеко не безъ-идейная, юморъ свободный и далекій отъ шаржа, языкъ прекрасный. Амвросій Метлинскій, авторъ удачныхъ стихотвореній («Думки и пѣсни», «Сиритка», «Глекъ») издалъ замѣчательный «Южный русскій Сборникъ» (1848), гдѣ спасены отъ забвенія сочиненія нѣсколькихъ украинскихъ поэтовъ того времени. Аванасьевъ Чужбинскій написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ пьесъ («Скажи мени правду, мій любый козаче», посланіе къ Шевченку — «Гарно твоя кобза грае»). Михаилъ Макаровскій, авторъ поэмъ «Наталя» (подражаніе «Герману и Доротеѣ» Гете) и «Гарасько» (передѣлка «Кавказскаго плѣнника» Пушкина). Болѣе оригиналенъ, но не свободенъ отъ шаржа, Стефанъ Александровскій, авторъ поэмы «Вовкулака». Объ общемъ подъемѣ духа среди украинской молодежи того времени, о серьезной идейной работѣ среди ней всего лучше свидѣтельствуетъ основанный въ Кіевѣ въ 1846 г. кружокъ «Кирилло-Меѳодіевское братство», ставившій для литературной и научной работы украинцевъ широкія общественныя и политическія цѣли. Инициаторомъ этого кружка былъ Костомаровъ; Шевченко сдѣлался самымъ горячимъ глашатаемъ его идей и облекъ славянскую программу кружка въ памятные слова: «Щобъ уси Славяне стали добрыми братами и сынами сонця правды». Разгромъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства и сопровождавшія его полицейскія мѣры противъ многихъ украинцевъ значительно ослабили едва зарождавшееся литературное движеніе. Начинается антрактъ въ исторіи украинской лите-

ратуры. Только съ 1854 г. появляются признаки новаго оживленія, а съ возвращеніемъ изъ ссылки главныхъ членовъ «Кирилло-Меодіевскаго братства», Кулиша и Костомарова, открывается новый періодъ усиленнаго движенія. Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ періодѣ, нужно бросить бѣглый взглядъ на общественное, національное и литературное развитіе тѣхъ частей Южной Руси, которыя при раздѣлѣ Польши отошли къ Австріи. Съ одною частью южнорусскаго племени—съ русинами или руснаками, жившими по ту сторону Карпатъ, въ Мараморощѣ и сѣв.-вост. Венгріи, —Австрія имѣла дѣло уже давно, съ тѣхъ поръ какъ Венгрія вошла въ составъ государства Габсбурговъ. Судьба этихъ угро-русовъ была, въ общемъ, незавидна (см. Угорская Русь, XXXIV, 557). Только въ концѣ XVIII в. начинается между ними усиленная научная и просвѣтительная дѣятельность. Мукачевскій епископъ Андрей Бачинскій (1772—1809) собираетъ вокругъ себя значительное число ученыхъ, содѣйствуетъ распространенію грамотности и просвѣщенія среди простаго народа, печатанію книгъ и учебниковъ. Изъ его сотрудниковъ наиболѣе извѣстенъ Іоанникій Базилевичъ, авторъ книги «Brevis notitia foundationis Theodori Koriatovics» (Cassovia, 1779); народному просвѣщенію содѣйствовали также Іоаннъ Кутка, авторъ популярнаго и до сихъ поръ катихизиса (1803), инспекторъ Дмитрій Поповичъ, составившій тщательную опись болѣе 300 посѣщенныхъ имъ народныхъ школъ, свящ. Іоаннъ Пастелій, авторъ многихъ историческихъ записокъ и очень популярной сатиры на попа. Самъ епископъ Бачинскій оставилъ въ рукописи интересныя записки, основалъ въ Мукачевѣ духовную семинарію и собралъ для ней бібліотеку старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, состоявшую изъ 9000 томовъ. Въ это именно время къ Австріи была присоединена часть Польши, подъ названіемъ королевства Галиціи и Лодомеріи. Страна эта подъ польской безурядицей была экономически неразвита, безъ признаковъ умственной жизни. Для образованія духовенства имѣлось нѣсколько монастырскихъ школъ, для дворянства—четыре гимназіи, изъ коихъ три содержались іезуитами, а одна базилианами. Всѣ эти школы были латино-польскаго типа. Для массы русинскаго населенія не было сдѣлано ничего; отъ братскихъ школъ уцѣлѣли только слабые остатки. Уніатское бѣлое духовенство было крайне невѣжественно и забито; ополяченные базилиане ревниво оберегали за своимъ орденомъ привилегію замѣщать всѣ посты церковной іерархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ привилегію болѣе высокаго образованія. Австрія смотрѣла на Галицію прежде всего какъ на предметъ эксплуатаціи. Въ страну нахлынула масса нѣмецкихъ чиновниковъ, мечтавшая только о скорой наживѣ. Марія Терезія по собственной инициативѣ основала въ Вѣнѣ, въ 1774 г., генеральную духовную семинарію для греческаго вѣроисповѣданія, гдѣ на казенныя средства должны были воспитываться молодые люди изъ венгерской и Галицкой Руси. Іосифъ II основалъ въ 1783 г. духовную семинарію во Львовѣ, которая въ 1785 г. была пере-

строена въ генеральную семинарію для всѣхъ уніатовъ Австріи (значитъ также для венгерскихъ русинъ, семиградскихъ румынъ и хорватовъ). Въ томъ же году былъ основанъ львовскій университетъ, нѣмецкій, но уже въ 1787 г. императоръ велѣлъ на богословскомъ факультетѣ читать для русинскихъ кандидатовъ всѣ лекціи по философіи и богословію на южнорусскомъ, «отечественномъ» ихъ языкѣ. Среди лекторовъ были два угро-русы: Петръ Лодій и Иванъ Земаничъ. Съ 1797 г. «русскій институтъ» начинаетъ клониться къ паденію; въ 1808 г. преподаваніе на русскомъ языкѣ прекращается совершенно. Главной причиной неудачи была мертвенность и схоластичность преподаванія, зависѣвшая не отъ лекторовъ, а отъ правительства, которое предписывало, какой книгой долженъ былъ руководиться лекторъ всякаго предмета. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ начинается новое движеніе и въ Галиціи. Во Львовѣ университетъ, закрытый въ 1805 г., открывается вновь въ 1818 г.; правительство начинаетъ заботиться о начальномъ и среднемъ образованіи; возникаютъ гимназіи и такъ называемыя нормальныя (4-классныя) школы въ городахъ—конечно нѣмецкія. Управление народныхъ училищъ во всей Галиціи отдается въ руки духовенства. Съ 1816 г. русинское духовенство начинаетъ усиленную агитацію за основаніе народныхъ училищъ. Душой этой агитаціи былъ священникъ Іоаннъ Могильницкій. Еще въ 1816 г. онъ пытался, при содѣйствіи епископа Михаила Левицкаго, основать научно-просвѣтительное общество съ цѣлью образованія простаго народа. Это общество, хотя одобренное правительствомъ, не вошло въ жизнь вслѣдствіе интригъ поляковъ и базилианъ, оклеветавшихъ его инициаторовъ въ Римѣ. Впослѣдствіи, когда правительство, уступая требованіямъ поляковъ, захотѣло въ народныхъ школахъ совсѣмъ упразднить русинскій языкъ и книги, печатанныя русскими буквами, на томъ основаніи, что «русинскій языкъ—нарѣчіе польскаго», Могильницкій въ пространномъ рефератѣ доказалъ несостоятельность того взгляда. Сущность реферата была имъ впослѣдствіи обработана какъ первая въ Галиціи грамматика русинскаго (южнорусскаго) языка; эта грамматика осталась ненапечатанною, и только краткое изложеніе ея появилось въ 1829 г. въ польскомъ переводѣ. Со времени перехода Галиціи подъ власть Австріи, не смотря на официальную германизацію, не смотря даже на нѣкоторую поддержку правительства русинскому элементу, полонизмъ сдѣлалъ громадныя успѣхи среди русинской интеллигенціи. Зажиточное мѣщанство, много мелкихъ помѣщиковъ, которые около 1772 г. еще считали себя русинами и употребляли русинскій разговорный языкъ, теперь окончательно ополячились. Не только ополяченные издавна базилиане, не только епископы, назначавшіеся исключительно изъ польскихъ шляхетскихъ семействъ, но и свѣтское духовенство, городское и сельское, начало быстро ополячиваться, употреблять въ домашнемъ разговорѣ

польскій языкъ и обращаться даже къ простому народу съ польскими проповѣдями. Даже сознательные русины слѣдуютъ этому общему теченію; одинъ изъ лекторовъ «русинскаго университета», Михаилъ Гарасевичъ, издаетъ (1777—78) польскій журналъ «*Dziennik państwotycznych politików*» и пишетъ свои «*Annales ecclesiae ruthenae*» по-латыни; русинскіе клирошане Левинскій и Бродовичъ пишутъ свои мемуары, свидѣтельствующіе о живомъ чувствѣ національной обособленности отъ поляковъ, по-польски; львовскій митрополитъ Ангеловичъ защищаетъ австрійское правительство противъ упрековъ въ вѣроломствѣ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но съ пастырскими посланіями къ своей паствѣ обращается только по-польски; тотъ же языкъ употребляетъ и такой горячій русинскій патриотъ, какъ перемышльскій епископъ Іоаннъ Свѣтурскій. Причины этому: съ одной стороны зачаточное состояніе русинской письменности и просвѣщенія, при забвеніи старой литературы и при оторванности галицкихъ русиновъ отъ общенія съ прочимъ русскимъ міромъ; съ другой стороны—обаяніе польской революціонно-демократической легенды (Костюшко, легіоны) и новой польской литературы, пышно расцвѣтавшей именно послѣ паденія польскаго государства. Только съ началомъ 30-хъ годовъ чувствуется новое вѣяніе. Польское возстаніе 1830—31 г. встрѣчаетъ среди значительной части русинской интеллигенціи глухую оппозицію, нашедшую литературное отраженіе въ популярной тогда—польской!—пѣснѣ: «*Kto Lach, ma strach*». Изъ Украины проникаютъ въ Галицію «Энеида» Котляревскаго, грамматика Павловскаго, собранія народныхъ пѣсней Цертелева и Максимовича; эти книги, равно какъ и польскія статьи Воронича, Бродзинскаго, Ходаковскаго, пробуждаютъ и среди галицкихъ русиновъ интересъ къ народной пѣснѣ, языку, къ древностямъ ихъ родины. Результатомъ этого интереса и дальнѣйшимъ его стимуломъ является изданная въ 1833 г. книга поляка Вацлава Залескаго: «*Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego*». Хотя тексты пѣсней напечатаны здѣсь всѣ латинскимъ шрифтомъ, хотя пѣсни русинскія перемѣшаны съ польскими, тѣмъ не менѣе русины могли съ гордостью смотрѣть на это изданіе: оно не только открывало имъ красоту, образность и богатство родной рѣчи, но показывало ясно, что народное творчество русиновъ несравненно богаче, разнообразнѣе такого же польскаго, которое Залескій нашель умѣстнымъ подкрѣпить массой искусственныхъ романсовъ, взятыхъ изъ польской литературы XVIII—XIX в. Почти непосредственно послѣ изданія въ свѣтъ этой книги начинаются первые проблески литературнаго возрожденія галицкихъ русиновъ. Въ 1834 г. три воспитанника униатской духовной семинаріи во Львовѣ—Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ—составили небольшой альманахъ «Зоря», содержащій, кромѣ стиховъ и прозаическихъ статей ихъ самихъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, небольшое собраніе народныхъ пѣсней. Львовская цензура, въ которую

была отдана рукопись, задержала ее и запретила изданіе. Только въ 1837 г. появился этотъ альманахъ, въ переработанномъ видѣ, въ Венгріи, подъ заглавіемъ «Русалка Днистровая». Изданіе по своему содержанію совершенно невинное: нѣсколько стиховъ, нѣсколько статей литературнаго и историческаго содержанія и интересная коллекція народныхъ пѣсней. Въ Галиціи оно вызвало, однако, цѣлую бурю. Авторамъ привлекли къ отвѣтственности, книжку запретили и держали подъ слудомъ до 1848 г. — и все это единственно потому, что издатели употребили въ своихъ сочиненіяхъ чистый народный языкъ и для возможно точнаго его воспроизведенія составили новое, фонетическое правописаніе. Теперь трудно понять озлобленіе властей противъ авторовъ «Русалки Днистровой», дившееся многіе годы и доведшее до того, что Шашкевичъ вскорѣ умеръ отъ истощенія силъ, а Вагилевичъ, бывший униатскимъ священникомъ, перешелъ въ протестантство, сталъ искать скуднаго заработка у поляковъ и для русинской литературы погибъ безвозвратно. Самый талантливый изъ составителей «Русалки», Шашкевичъ, умѣлъ, какъ говорить одинъ изъ его сверстниковъ, «зажигать въ сердцахъ огонь, который угасаетъ развѣ только въ могилѣ». Это была натура мягкая и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичная, цѣльная. Его далеко не первоклассное поэтическое дарованіе не успѣло развернуться, но для тогдашней галицко-русской среды онъ былъ дорогъ цѣльностью міровоззрѣнія и безавѣтной преданностью интересамъ родного народа. Въ вопросахъ, сюда относившихся, онъ не зналъ колебаній: народный языкъ, языкъ крестьянъ долженъ служить основаніемъ литературы и просвѣтительной дѣятельности; литература и письменность должны прежде всего служить поднятію народа. Въ своихъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ Шашкевичъ иногда (напр. въ отрывкѣ «Бандуристъ» и въ поэтическомъ посланіи Н. Устіановичу) достигаетъ значительной высоты вдохновенія; тоже нужно сказать и о его «Псалмахъ Руслановыхъ», написанныхъ поэтической прозой. Кромѣ современной ему украинской поэзіи, онъ вдохновлялся также польскими поэтами украинской школы и Колларовой «Дщерью Славы». Сдѣлавшись сельскимъ священникомъ, онъ предпринялъ рядъ работъ научно-просвѣтительнаго характера, какъ напр. переводъ евангелія на народный языкъ и составленіе «Читанки» (хрестоматіи) для начальныхъ школъ. Почти одновременно съ Шашкевичемъ начали свою дѣятельность еще два замѣчательныхъ работника: Іосифъ Лозинскій, издавшій въ 1835 г. цѣнную книжку «*Ruskoje wesilje*», содержащую сводъ описаній свадебныхъ обрядовъ и свадебныхъ пѣсней изъ разныхъ мѣстностей Галицкой Руси, и Іосифъ Левицкій, издавшій въ 1834 г. «*Gramatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache*», съ прибавленіемъ небольшой хрестоматіи произведеній старой и новой Ю. литературы. Они оба были ученики Добровскаго и Копитара, но ихъ взгляды на южнорусскій яз. практически расходились. Лозинскій,

увлеченный идеей славянской взаимности, обнародовалъ въ 1835 г. проектъ замѣны употреблявшейся русинами въ Галиціи кириллицы и гражданки латинскимъ шрифтомъ. Противъ этого проекта выступилъ М. Шашкевичъ съ талантливо написанной брошюрой «Azbu-ka i Abecadło» (1836), и Лозинскій долженъ былъ отказаться отъ своей мысли, хотя и впоследствии выступалъ съ проектомъ упрощенія правописанія (устраненія твердаго знака). Къ новому народническому движенію 60-хъ годовъ онъ не примкнулъ и послѣднія свои сочиненія писалъ обычнымъ для галицкихъ «староруссовъ» языкомъ (смѣсью церковно-славянскаго, южно-русскаго и великорусскаго язык.). Іосифъ Левицкій хотя и доказывалъ самостоятельность южнорусскаго языка, но писалъ свои бездарныя стихотворенія ужаснымъ церковно-славянскимъ языкомъ, а въ 1843 г. опозорилъ свое имя одобреніемъ въ печати (*Listy tuzsace się pismienictwa ruskiego*) варварскихъ мѣропріятій администраціи противъ «Русалки Днестровой». Въ 40-хъ годахъ литературная дѣятельность Галицкой Руси была крайне скудна, цензурныя условія просто невозможны. Административно-судебный погромъ, обрушившійся въ годахъ 1838—41 на многочисленныя польскія революціонныя организаціи, рикошетомъ отразился и на русинахъ. Чиновники, мечтавшіе о водвореніи въ Галиціи гѣрманизма, на всякую попытку русиновъ издавать что-нибудь на своемъ родномъ языкѣ, имѣли только одинъ отвѣтъ: «у насъ столько хлопотъ съ польскимъ національнымъ движеніемъ, а эти безумцы хотятъ еще оживлять какую-то погребенную русинскую народность». Все, что сколько-нибудь выходило изъ рамокъ первоначальнаго школьнаго учебника, могло печататься только въ Вѣнѣ. Здѣсь другъ Шашкевича, Яковъ Головацкій, издаетъ въ 1841 г. интересное собраніе галицко-русскихъ народныхъ пословицъ, а въ 1846—47 г., съ помощью своего брата Ивана—альманахъ «Вѣнокъ Русинамъ на обжынкы», гдѣ между прочимъ было напечатано собраніе неизвѣстныхъ прежде сочиненій М. Шашкевича, а самъ Головацкій далъ замѣчательное собраніе народныхъ загадокъ, сказокъ и анекдотовъ и нѣсколько изслѣдованій изъ области археологіи и этнографіи. Жалкое состояніе общественной и литературной жизни, въ которомъ много виновата была и сама галицко-русская интеллигенція, въ особенности іерархія, побудило Головацкаго написать пламенную обличительную статью въ Іордановомъ журналѣ «*Slavische Jahrbücher*», подъ заглавіемъ «*Zustände der Russinen*» (1846). Это было самое смѣлое произведеніе галицкой публицистики до 1848 года; содержавшая эту статью книга журнала была въ Галиціи немедленно запрещена. Получивъ какъ-то одинъ печатный экземпляръ ея, воспитанники львовской духовной семинаріи въ одну ночь переписали полтора экземпляровъ статьи: она разошлась всюду и открыла глаза тѣмъ, которые до тѣхъ поръ не сознавали ужаса своего положенія. Послѣ революціи 1848 г. парламентскіе выборы обнаружили глубокое недовѣріе русин-

скаго народа не только къ шляхтѣ, но и къ духовенству; депутатами въ учредительное собраніе явились большею частью неграмотные или полуграмотные крестьяне. Почти съ перваго же момента свободной жизни кипитъ ожесточенная борьба между поляками, мнившими себя полными хозяевами страны и воображавшими, что вѣнская революція — первый шагъ къ возстановленію исторической Польши, и русинами, которые добивались равноправности для своей церкви и народности. Изъ антагонизма къ полякамъ они искали опоры въ правительствѣ, которое въ свою очередь старалось найти для своихъ плановъ поддержку среди крестьянъ, преимущественно русиновъ и ихъ духовенства. Въ 1848 г. положено начало галицко-русской періодической печати. Къ тому же году относится начало театральныхъ спектаклей въ Галицкой Руси, но первая труппа галицко-русская образовалась только въ 60-хъ годахъ. Самымъ знаменательнымъ фактомъ 1848 г. было созваніе перваго съѣзда галицко-русскихъ дѣятелей (юмористически прозваннаго съѣздомъ ста галицкихъ ученыхъ), имѣвшаго послѣдствіемъ основаніе научно-просвѣтительнаго общества «Галицко-русская Матица», по образцу подобныхъ «Матицъ» чешской и хорватской. Это общество не оправдало возложенныхъ на него надеждъ и не сыграло въ развитіи галицко-русскаго просвѣщенія почти никакой роли. За Ю. языкомъ было признано первенствующее значеніе во всѣхъ школахъ восточной Галиціи. Была основана кафедра Ю. языка въ львовскомъ университетѣ; профессоромъ назначенъ Я. Головацкій. 1848-ой годъ ознаменованъ появленіемъ цѣлой плеяды дѣятелей, которые, вмѣстѣ съ друзьями и сверстниками Шашкевича, даютъ тонъ всей галицко-русской письменности 50-хъ, а отчасти и 60-хъ годовъ. На литературное поприще выступаетъ А. С. Петрушевичъ, талантливый и трудолюбивый автодидактъ-филологъ, историкъ и археологъ. Его первое сочиненіе: «*Słów kilka w obropie narodowosci ruskiej*» написано увлекательно и умно въ защиту самостоятельности Ю. народа; но по мѣрѣ того, какъ эта идея у него затемняется и живая связь съ роднымъ народомъ слабѣетъ, его сочиненія дѣлаются неудобочитаемыми изъ-за ихъ мертваго, чудовищнаго, будто бы «прарусскаго» языка. Талантливый публицистъ Б. А. Дицкій издавалъ множество газетъ, составилъ популярную «Исторію Руси», не критическую, но имѣвшую немалое вліяніе на молодежь 70-хъ годовъ, и былъ одно время (1860—70) самымъ популярнымъ писателемъ Галицкой Руси; его цѣнили даже какъ поэта, хотя его стихи (поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Конишій» и множество мелкихъ стихотвореній) могутъ скорѣе умалить, чѣмъ увеличить его заслуги. Въ томъ же 1848 г. Иванъ Наумовичъ изъ рьянаго польскаго патріота сдѣлался русиномъ; впоследствии онъ снискалъ славу «просвѣтителя Галицкой Руси». И дѣйствительно, онъ немало способствовалъ пробужденію крестьянскихъ массъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно вредилъ своему дѣлу безхарак-

терностью и безыдейностью. Иванъ Гущалевичъ снискалъ славу «галицко-русскаго соловья» бездарнымъ, но пѣвчимъ стихотвореніемъ «Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ»: оно долго было почти національнымъ гимномъ Галицкой Руси, не смотря на отсутствіе въ немъ какой-нибудь идеи и кое-гдѣ даже смысла. Изъ писателей, выступившихъ еще до 1848 г., но только послѣ этого года издавшихъ свои лучшія сочиненія, назовемъ Николая Устіановича, котораго рассказы: «Местъ верховинця» и «Страстный четвертъ» до 60-хъ годовъ считались лучшими образцами галицко-русской новеллистики; Антонія Могильницкаго, тяжеловатое стихотвореніе котораго «Скитъ Манявскій» должно было сдѣлаться народной эпопеей Галицкой Руси, но не сдѣлалось ею, не смотря на кой-какія интересныя подробности; Рудольфа Моха, давшаго въ своей «Справѣ въ селѣ Клекотынѣ» очень живую и пеструю, хотя и вульгарную картину жизни галицко-русской деревни во время барщины, съ ея непроглядной темнотой и деморализаціей. Ростки живой письменности, почерпавшей свои соки изъ мѣстной народной жизни вскорѣ, однако, начали гложуть. Водворившаяся въ Австріи съ 1849 г. бюрократическая реакція связываетъ болѣе горячихъ дѣятелей по рукамъ и ногамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Галиціи начинается получать перевѣсъ польскій шляхетскій элементъ. Русины начинаютъ сомнѣваться въ своихъ силахъ. Бродившая уже кое-гдѣ и ранѣе идея о томъ, не лучше ли вмѣсто разработки мѣстнаго элемента въ письменности и наукѣ пользоваться готовыми письменностью, просвѣщеніемъ, наукой—великорусскими, въ 50-хъ годахъ захватываетъ значительную часть галицко-русской интеллигенціи и дѣлается надолго тормазомъ ея развитія, заставляя лучшіе умы напрасно терять свои силы въ стремленіи къ фантастической цѣли, между тѣмъ какъ насущные интересы народа настоятельно требовали энергическихъ, способныхъ и всей душой преданныхъ имъ работниковъ. Среди галицко-русскихъ писателей выдвигается на первый планъ Діонисій Зубрицкій, по своимъ возрѣніямъ и традиціямъ шляхтичъ-крѣпостникъ, приверженецъ абсолютизма и бюрократическаго шаблона, впрочемъ человекъ начитанный, заслуженный историкъ, писавшій сначала по-польски («Rys dziejów narodu ruskiego», «Kronika miasta Lwowa», «Badania o drukarniach»), но потомъ, со времени своего знакомства съ Погодинымъ, сдѣлавшійся проповѣдникомъ общерусскаго единства. Вокругъ Зубрицкаго группируются въ 50-хъ годахъ всѣ молодыя силы галицкихъ русиновъ; его вліяніе сказывается въ постепенномъ отдаленіи этихъ силъ отъ мѣстныхъ интересовъ, отъ мѣстнаго нарѣчія, которое Зубрицкій презрительно называлъ «говоромъ пастуховъ». вмѣстѣ съ тѣмъ галицко-русскіе писатели теряютъ все то, что могло дать живую почву и свѣжее содержаніе ихъ литературной дѣятельности (общественная дѣятельность подъ ферулой реакціи была почти совсѣмъ невозможна). Галицкіе «общерусы» имѣли о Россіи, ея литературѣ и языкѣ самыя фантастическія пред-

ставленія. Они воображали, что южнорусскій и великорусскій языки—одинъ языкъ, а различіе лежитъ только въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ; что довольно будетъ уснастить Ю. рѣчь церковно-славянскими формами и полонизмами, чтобъ совсѣмъ близко подойти къ языку Пушкина. Они преклонялись предъ Пушкинымъ, но все-таки апогей русской поэзіи видѣли въ Хомяковѣ и Аксаковѣ, не признавали Гоголя (кромѣ «Тараса Бульбы», переведеннаго въ 1852 г. на галицко-русское нарѣчіе), читали и перепечатывали совсѣмъ плохія сочиненія какихъ-то невѣдомыхъ великорусскихъ писателей и, стараясь слѣдовать такимъ образцамъ въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ, порождали нѣчто собственное разсмѣшить самаго угрюмаго меланхолика. Характернымъ признакомъ упадка была такъ наз. «азбучная война» 1859 г. По инициативѣ ренегата изъ русиновъ Евсевія Черкавскаго и чиновника изъ чеховъ Иречка, галиційскій губернаторъ Голуховскій подалъ центральному правительству проектъ устранить въ русинскихъ книгахъ кириллицу и гражданку и замѣнить ее латинкой. Была назначена для этого особая коммиссія, но среди русинскаго духовенства поднялась оживленная агитація противъ реформы и проектъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. Азбучная война сильно взволновала умы русинской интеллигенціи, а между тѣмъ польскіе шляхтичи всякими правдами и неправдами обирали крестьянъ при упраздненіи сервитутовъ, и среди русиновъ никто не протестовалъ противъ этого дѣла, надолго подорвавшаго экономическій бытъ крестьянства. Нуженъ былъ внѣшній толчекъ, чтобы разбудить и освѣжить галицко-русскую жизнь. Такой толчекъ пришелъ изъ Россіи, вступившей именно тогда на путь реформъ. Императоръ Александръ II помиловалъ большинство участниковъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства». Костомаровъ получилъ мѣсто профессора въ сиб. университетѣ; Кулишъ основалъ въ Петербургѣ типографію и началъ усиленно печатать старыя и новыя произведенія украинской литературы. Появляются «Записки о Южной Руси», цѣнныя не столько собраннымъ въ нихъ этнографическимъ матеріаломъ, сколько тѣмъ чувствомъ искренней любви автора къ Украинѣ, ея народу и его языку, какимъ проникнута вся книга. Появляется «Черная Рада» Кулиша, первый большой украинскій романъ, основанный на тщательномъ изученіи исторіи и написанный прекраснымъ языкомъ, но все-таки опоздавшій на 10 лѣтъ; въ 1846 г. онъ произвелъ бы гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ въ 1856 г., въ горячее, боевое время. Изъ типографіи Кулиша выходятъ сочиненія Котляревскаго, украинскіе рассказы Квитки, прекрасные украинскіе рассказы Марко Вовчка, удостоенные Тургеневымъ перевода на русскій языкъ. Въ этихъ рассказахъ, писанныхъ Маріей Марковичъ (русской по происхожденію, см.) при дѣятельномъ или даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, главномъ участіи ея мужа, Аванасія Марковича, одного изъ участниковъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, украинское слово впервые въ легальной формѣ

представило русскому міру язвы крѣпостного состоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ дало возможность читателямъ глубже заглянуть въ душу крестьянъ. Здѣсь какъ будто говорилъ самъ народъ, и его рѣчь, полная тихой меланхолиі, поражала своей простотой, гуманностью и мелодичностью. Украинскіе рассказы Марка Вовчка произвели сенсацію даже въ русской литературѣ; въ украинской литературѣ они и до сихъ поръ считаются недостижимыми образцами языка, хотя манера рассказчицы и способъ воспроизведенія жизни нѣсколько устарѣли. Послѣднимъ изъ кирилло-меодіанцевъ возвратился изъ ссылки Шевченко. Громадное большинство его новыхъ стихотвореній было нецензурно и не могло предстать передъ болѣе широкой публикой. Погромъ 1847 г. заставилъ даже болѣе видныхъ кирилло-меодіанцевъ уйти въ себя или совсѣмъ отказаться отъ политическихъ мечтаній. Когда въ 1861 г. украинцы начали изданіе собственнаго журнала «Основа», онъ сталъ развиваться не широкую и свободолобивую программу Кирилло-Меодіевскаго братства, а довольно тѣсную и для прогрессивныхъ украинцевъ мало въ то время интересную программу національнаго обособленія Украины, безъ свѣденія счетовъ съ назрѣвавшими въ ту пору жгучими вопросами русской общественной жизни. Научный дилетантизмъ и политическое доктринерство Кулиша были, кажется, главной помѣхой успѣху журнала; Шевченко, авторитетъ котораго могъ служить противовѣсомъ Кулишу, умеръ въ самомъ началѣ предпріятія (въ февралѣ 1861 г.), Костомаровъ не могъ сладить съ Кулишемъ—и вотъ, журналъ, на который вся Южная Русь возлагала большія надежды и который далъ дѣйствительно много цѣннаго, послѣ двухлѣтняго существованія прекратился не отъ злключеній, а отъ истощенія силъ, какъ разъ въ ту пору, когда противъ украинскаго литературнаго и общественнаго движенія собирались грозныя тучи. Въ Украинѣ, подъ вліяніемъ общаго оживленія, вызваннаго эпохой реформъ, расло, между тѣмъ, національное сознаніе; сливаясь съ прогрессивными европейскими идеями, оно порождало среди молодежи стремленіе сблизиться съ простымъ народомъ и работать въ его пользу. У менѣе зрѣлыхъ умовъ это стремленіе иногда принимало нѣсколько карикатурный характеръ: свое сближеніе съ народомъ молодые люди проявляли прежде всего тѣмъ, что надѣвали крестьянскій костюмъ, подражали крестьянскимъ манерамъ. Въ правобережной Украинѣ это было прямымъ продолженіемъ традиціи польскихъ такъ называемыхъ балагуловъ конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, и здѣсь же для этого явленія возникло названіе «хлопоманіи». Въ этомъ названіи было нѣчто худшее, чѣмъ презрѣніе польскаго шляхтича къ мужицкому языку, костюму и манерамъ. Когда молодежь отъ формальныхъ подражаній перешла къ дѣйствительному труду на пользу украинскаго народа, когда въ Полтавѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ возникли воскресныя школы, гдѣ «хлопоманы», кромѣ чтенія и письма, начали преподавать народу основанія родной

исторіи, когда, вслѣдствіе запроса со стороны этихъ школъ, начали появляться элементарные учебники на украинскомъ языкѣ («Букварь» Шевченка, «Грамматка» Кулиша, «Щотныця» Конисскаго и т. п.), польскіе душевладѣльцы всполошились; имъ начали мерещиться «гайдамацкіе ножи», и они, сами приготовляясь уже къ возстанію, послѣдили обратиться къ правительству съ доносомъ на «хлопомановъ», умысляющихъ якобы сепаратизмъ и соціальную революцію. Они добивались не только запрета невиннѣйшей «Грамматки» Кулиша, но даже срытія могилы Шевченка, въ которой, будто бы, припрятаны ножи для близкой рѣзни. Особенно сердило этихъ «охранителей» то, что среди польской молодежи многіе увлеклись идеями прогресса и стояло противъ шляхты, а одна часть пошла еще дальше и требовала отъ украинскихъ поляковъ обращенія въ украинцевъ и служенія украинскому народу. Начало этому положили два талантливые и беззаветно преданные своей идеѣ юноши, В. Б. Антоновичъ и Ѡ. Рыльскій, которые въ «Основѣ» мотивировали свою «Исповѣдь» ко всеобщему ужасу украинскихъ поляковъ. Среди болѣе стараго поколѣнія украинскихъ дѣятелей не было человѣка, который бы умѣлъ поддержать эти новыя теченія. Правда, запросъ на элементарныя книги былъ сочувственно встрѣченъ и Кулишемъ, и Костомаровымъ; первый самъ составилъ нѣсколько учебниковъ (не безупречныхъ съ педагогической точки зрѣнія), второй обратился къ публикѣ съ воззваніемъ о собраніи фонда для печатанія такихъ книгъ. Разные доносы и послѣдовавшее затѣмъ польское возстаніе 1863 г. заставили правительство, изъ опасенія «сепаратизма», запретить употребленіе украинскаго языка въ народныхъ школахъ, прекратить печатаніе украинскихъ учебниковъ и даже прибѣгнуть къ арестамъ и ссылкамъ. Потерпѣли на этотъ разъ Конисскій, П. Чубинскій и еще нѣкоторые, сосланные въ Архангельскъ, Вологду и т. п. Это было началомъ втораго антракта въ исторіи украинской литературы, длившагося почти до 1870 г. Что сравнительно не очень грозныя мѣропріятія правительства противъ украинофиловъ могли вызвать такой застой, какой мы видимъ въ украинской литературѣ 1863—1870 гг.—это можно объяснить только слабохарактерностью вожаковъ движенія и недостаточной разработкой основныхъ его идей. Стороженко, талантливый, но довольно безидейный рассказчикъ, послѣ 1862 г. почти совсѣмъ замолкъ и только въ посмертныхъ бумагахъ оставилъ попытку историческаго разсказа: «Марко Проклятый»—попытку и въ художественномъ, и въ историческомъ отношеніи совсѣмъ невысокаго качества. Къ писателямъ, начавшимъ въ «Основѣ» свою карьеру, принадлежитъ даровитый, но какъ-то зарывшій свой [талантъ Стефанъ Руданскій, который при жизни успѣлъ напечатать только нѣсколько лирическихъ пьесъ, очень красивыхъ и задушевныхъ, но послѣ котораго осталась въ рукописяхъ масса сочиненій, въ томъ числѣ необыкновенно богатая коллекція украинскихъ народныхъ раз-

сказовъ и легендъ, переданныхъ имъ легкими и граціозными стихами, далѣе полный переводъ чешской «Краледворской рукописи», «Слова о Полку Игоревѣ», «Войны лягушекъ съ мышами» и, наконецъ, «Иліады». Этотъ послѣдній переводъ хотя составленъ короткими стихами, складомъ украинской народной пѣсни, тѣмъ не менѣе представляется очень удачнымъ и производитъ цѣльное впечатлѣніе. Второй талантливый неудачникъ изъ кружка «Основы»—Анатолій Свидницкій, помѣстившій въ «Основѣ» нѣсколько интересныхъ этнографическихъ статей, но не успѣвшій напечатать самое крупное свое сочиненіе: романъ-хронику «Люборадски», прекрасно рисующее жизнь сельскаго духовенства Юго-Западнаго края и духовныхъ училищъ дореформенныхъ временъ. Изъ плеяды писателей, выступавшихъ въ «Основѣ», назовемъ еще Леонида Глибова, давшаго украинской литературѣ рядъ прелестныхъ лирическихъ пѣсней и книгу басенъ; Ганну Барвинокъ (Александрѣ Кулишъ, жену П. А. Кулиша), которая сначала въ Кулишевомъ альманахѣ «Хата» (1859), потомъ въ «Основѣ» и впоследствии въ разныхъ изданіяхъ помѣстила рядъ прочувствованныхъ рассказовъ, живописующихъ украинскую женщину, и снискала себѣ почетное имя какъ «поэтъ женскаго горя»; Данила Мордовцева, выступившаго въ 1859 г. въ «Саратовскомъ Малорос. Сборникѣ» съ поэмой «Кзаки и море», давшаго въ «Основѣ» и въ болѣе позднихъ изданіяхъ рядъ поэтичныхъ рассказовъ и очерковъ поукраински, но достигшаго бѣльшей популярности историческими романами и очерками, написанными на русскомъ языкѣ. Самъ Кулишъ выступалъ въ «Основѣ» и какъ критикъ (слишкомъ строгія сужденія о Гоголѣ и Котляревскомъ), и какъ историкъ, а послѣ смерти Шевченка, возмечтавъ, что пришла его очередь сдѣлаться «кобзаремъ» Украйны, далъ цѣлый рядъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній, изданныхъ особо подъ назв. «Досвитки» и какъ будто нарочно составленныхъ для того, чтобы доказать, что Кулишъ — не Шевченко. Вскорѣ потомъ онъ еще болѣе повредилъ себѣ въ глазахъ всей передовой части русскаго общества, принявъ сотрудничество въ крайне шовинистичномъ журналѣ «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи» и содѣйствуя системѣ казеннаго обрусенія даже тамъ, гдѣ оно явно шло въ разрѣзъ съ интересами кореннаго южно-русскаго населенія. Это было, однако, временемъ его наибольшей популярности и наибольшаго вліянія въ Галиціи. Въ Галиціи 60-ые годы начались паденіемъ абсолютизма и введеніемъ краеваго сейма. Въ сеймѣ вошли въ подавляющемъ большинствѣ польскіе шляхтичи; русины, при косвенномъ содѣйствіи правительства, получили не болѣе 40 мандатовъ, при чемъ умственный цензъ у русинскихъ депутатовъ (крестьянъ и священниковъ) былъ несравненно ниже, чѣмъ у польскихъ. Жгучій вопросъ крестьянскихъ сервитутовъ какъ-то самъ собою срывался съ устъ ораторовъ. Поляки обвиняли русинское духовенство въ подстрекательствѣ, подкрѣпляя свои обвиненія фразами о комму-

низмѣ; когда же депутаты-священники начали отрещиваться отъ такихъ прегрѣшеній, поляки пытались заключить съ ними соглашеніе надъ головами депутатовъ-крестьянъ. Духовенство на это соглашеніе не пошло: въ отвѣтъ на его оппозицію съ польской стороны послышался въ сеймѣ голосъ графа Лешка Борковскаго: «Tu niema Rusi!» Этимъ былъ брошенъ вызовъ къ борьбѣ, продолжающейся до сихъ поръ. Она началась съ того, что русины стали повсемѣстно вытѣснять польскій разговорный языкъ изъ своихъ домовъ и обществъ, польскую книгу—изъ рукъ, польскіе и латинскіе налеты—изъ своего обряда. Такъ какъ борьбу вело главнымъ образомъ духовенство, то неудивительно, что вопросъ объ очищеніи греко-уніатскаго обряда заинтересовалъ его очень живо. Съ легкой руки Ив. Наумовича начались въ газетахъ длинныя и въ сущности безплодныя пренія объ обрядѣ; съ польской стороны очистителямъ брошенъ былъ укоръ въ схизмѣ; очистители начали оправдываться и вдаваться въ теологическія тонкости, упуская изъ виду самое существенное — попытки латинянъ оттянуть русинское духовенство разными приманками отъ служенія своему народу. Это съ поразительной ясностью показалъ безымянный авторъ польско-русинской драмы-сатиры «Budiatyńce», написанной въ 1861 г., до сихъ поръ остающейся въ рукописи, но распространенной въ многочисленныхъ копіяхъ. Возстаніе 1863 года еще болѣе усилило русино-польскую распрю. Поляки пытались перетягивать русинскую молодежь и русинское духовенство на свою сторону, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ. Но идейное обаяніе прежнихъ польскихъ возстаній было разрушено; русины, испробовавъ еще въ 1848 году національную нетерпимость поляковъ, ставили пассивный отпоръ ихъ требованіямъ, а нѣкоторые, какъ Остапъ Левицкій, шли еще далѣе и осмѣивали въ ѣдкой сатирѣ (Uciekiniery) новое возстаніе на восточно-галицкой почвѣ, представлявшееся далеко не идейнымъ и не серьезнымъ. Въ литературномъ отношеніи въ началѣ 60-хъ годовъ видно тоже какъ будто оживленіе. Въ 1860 г. Б. Дидыцкій, при содѣйствіи почти всѣхъ наличныхъ галицко-русскихъ писателей, издаетъ сборникъ «Зоря галицкая яко альбумъ» въ честь епископа Гр. Яхимовича; за исключеніемъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, это было, однако, какъ бы подведеніемъ итога всѣмъ ошибкамъ, какія сдѣлала Галицкая Русь въ 50-хъ годахъ. Самъ Дидыцкій понялъ, что въ этомъ направленіи идти далѣе некуда. Начавъ въ томъ же 1860 г. издавать политическую газету «Слово», онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудники украинцевъ и допустилъ въ ихъ статьяхъ употребленное ими фонетическое правописаніе. Но это была только уступка зарождавшемуся уже въ Галиціи крайнофильскому движенію; съ 1864 г., когда это движеніе успѣло нѣсколько окрѣпнуть и отношенія между нимъ и старой партіей обострились, терпимость была признана неудобной и «Слово» пошло совсѣмъ другимъ путемъ. Толчкомъ къ новому крайнофильскому движенію среди галицко-рус-

ской молодежи послужило прежде всего ее ознакомление с поэзией Шевченка и с другими представителями украинской литературы. Изданные в 1859 г. в Лейпциге некоторые нецензурные стихотворения Шевченка впервые проникли в Галицию и поразили молодежь как что-то совсем новое и неслыханное. В 1860 г. появилось в Петербурге новое, более полное издание «Кобзаря», и для галицко-русской молодежи открылся новый мир. В этом мире она прежде всего увидела Украину, с ее степями, казачеством и «волей!» До сих пор она смотрела на все это глазами «Тараса Бульбы» и польских романтиков, особенно М. Чайковского, увлекаясь пышными картинами, но не чувствуя при этом ничего. Начинается усиленное подражание украинцам, сперва в костюмах и манерах, потом, под влиянием антагонизма к полякам, все более глубокое; вырабатывается взгляд на необходимость пользоваться в литературе только народным языком. Литературных талантов и научной подготовки у тогдашней галицко-русской молодежи не было; поэты и писатели 30-х и 40-х годов или сошли со сцены, или удивляли молодежь бездарностью и безыдейностью своих новых сочинений. Из тех, кто выступил в 50-ые годы, одни, как Платон Костецкий, ушли совсем в польский лагерь, другие, как Евгений Згарский, хотя и пытались примкнуть к новому украинфильскому движению (поэмы «Святый вечер» и «Маруся Богуславка»), но обладали слишком малым талантом и отталкивали даже нетребовательных галицких читателей своею малокультурностью. Не смотря на это, первые периодические издания нового направления — «Вечерницы», «Ныва», «Русалка» и «Мета» — были встречены и поддерживаемы молодежью с неопианным восторгом уже потому, что в них перепечатывались лучшие, в Галиции до тех пор неизвестные сочинения украинских писателей. Около этих изданий сосредоточивался интерес украинфильской молодежи, которая, под влиянием университетских студентов, начала во Львов, а потом и в других городах составлять тайные общества — так наз. «громады», — с самыми скромными целями самообразования, совместного чтения книг и обсуждения литературных и национальных вопросов. Душой и как бы патроном этих кружков, составленных из студентов университета и гимназистов, сделался Даниль Тянякевич, воспитанник духовной семинарии, который с огромной долей энтузиазма и пламенной верой в лучшую будущность своего народа совещался недостаток солидного образования и ясно определенной программы. Не было их и у трех главных писателей и публицистов нового направления: Ксенофонта Климковича, который в 1867 г., после крушения украинфильских изданий, перешел в сотрудники анти-украинской «Славянской Зари», — Володимира Шашкевича, сына Маркиана Шашкевича, подававшего большие надежды, но скоро ступавшегося и молодым умершего поэта, — и Федора Заре-

вича, написавшего ряд новелл и одну повесть «Хлопська дитина», примитивную по языку и писательской технике, но все-таки имевшую некоторое значение как первая попытка изображения жизни и взглядов современного интеллигентного русина. Единственный талантливый и оригинальный австрорусский писатель, выступивший с самого начала 60-х годов и почти сразу занявший в воображении энтузиастической молодежи место возле Шевченка, был Иосиф Федькович. Сын ополяченного шляхтича Гордынского и матери из православной священнической буковинской семьи, он провел детство среди русинских горцев-гуцулов, учился в немецком реальном училище в Черновице, но, не кончив курса, бжал в Румынию, откуда после нескольких годов был принудительно возвращен и дан в солдаты; дослужился довольно скоро до офицерского чина и, вращаясь в немецком обществе, писал немецкие стихи, пока не встретился с двумя молодыми приверженцами галицкаго украинфильства, учителем гимназии Константином Горбалем и кандидатом богословия Антоном Кобылянским. Под их влиянием молодой обмеченный офицер почувствовал себя русином, вспомнил свое гуцульское детство и сделался восторженным поэтом и бытописателем своего родного уголка. Превосходно владея языком гуцулов, составляющим очень характерное наречие южнорусской речи, он начал писать на этом диалекте и остался верен ему до конца жизни. Верное художественное чутье сразу же подсказало ему тему его стихотворений и рассказов — рекрутскую жизнь, со всеми ее тягестями и ужасами и малочисленными удовольствиями. Образцом служила ему народная песня или безыскусственный народный рассказ. Первые его стихотворения, навязанные впечатлениями поэта из австро-итальянской войны 1859 г., возбудили среди галицко-русской молодежи неопианный восторг; все видели в Федьковиче (под этим именем он стал известен в литературе) достойного преемника Шевченка. Сам Федькович поверил этому, вышел в отставку и решил отдать свою жизнь литературе и служению родному народу. Это была его роковая ошибка. Он не был гениальный человек, как Шевченко; запас его живых наблюдений и самая способность наблюдать вскоре исчерпались и он стал механически, даже аляповато подражать Шевченку. Притом его образование было довольно поверхностное; в Галиции и в Буковине он не нашел людей более развитых и интеллигентных, которые могли бы благотворно влиять на его развитие; наоборот, самые лучшие его произведения — прелестные и живые рассказы из гуцульской жизни, — не нашли среди галицийской публики такого приема, который мог бы поддержать деятельность поэта в этом направлении. Его желание сделаться национальным южнорусским поэтом, в связи с неясным пониманием его задач и роли, толкнуло его на совершенно оши-

бочный путь; онъ началъ писать большія и совсѣмъ мертвыя драмы изъ невѣдомаго ему украинскаго прошлаго (Довбушъ, Богданъ Хмельницкій), пытаясь изъ отрывковъ народныхъ пѣсень воспроизвести древній мифическій эпосъ. По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ жизни и ея жгучихъ интересовъ, его еще болѣе перестали понимать; пришли разочарованія, и Федьковичъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ самомъ пессимистическомъ настроеніи ушелъ въ свои гуцульскія горы. — Въ 1866 г., подъ вліяніемъ пораженія австрійскихъ войскъ подъ Садовой, направленіе, называвшее себя до тѣхъ поръ старорусскимъ или «твердымъ», провозгласило въ «Словѣ» единство южнорусскаго народа съ великорусскимъ и необходимость стремленія къ объединенію этихъ частей недѣлимой Руси. Потребность въ изученіи русскаго литературнаго языка была болѣе устранена, чѣмъ удовлетворена брошюрой Дидыцкаго: «Въ одинъ часъ научиться малорусину по-великорусски», проводившей пресловутый принципъ: «одинъ языкъ, два выговора». Старые дѣятели прекращаютъ выходившія прежде изданія—«Науковый Сборникъ», «Литературный Сборникъ», «Галичанинъ»,—довольствуясь политическими органами, гдѣ то и дѣло фельетоны и даже статьи по текущимъ вопросамъ перепечатывались изъ русскихъ изданій, всегда на курьезно подправленномъ языкѣ. Вскорѣ лучшія силы той партіи (Головацкій Ливчакъ, Лѣсѣкевичъ, Цыбыкъ, Попель, Куземскій) уходятъ въ Россію; затѣмъ и Дидыцкій бросаетъ свой постъ редактора «Слова», оставляя на своемъ мѣстѣ неспособнаго В. М. Площанскаго. Но и украинофильское движеніе не могло окрѣпнуть. Молодежь, организованная въ «громадахъ», требовала умственной пищи, книгъ, идей, но вожаки движенія не могли дать ей ничего кромѣ горячихъ фразъ и фантастическихъ плановъ Д. Ганячкевича, писавшаго подъ псевдонимомъ «Будеволя». Примкнувшій было на время (1865 г.) къ этому движенію полякъ, эмигрантъ изъ Украйны Паулинъ Свенцицкій (Павло Свій), тоже не могъ дать галицкой молодежи ничего положительнаго и скоро ушелъ совсѣмъ въ польскую литературу, послѣ того какъ начатый имъ съ цѣлью примиренія русиновъ съ поляками польско-русинскій журналъ «Sioło» не привлекъ къ себѣ никого изъ русиновъ и не нашелъ читателей среди поляковъ. Въ это время знакомится съ галичанами Кулишъ. На него, какъ на друга и товарища Шевченка, галичане возлагаютъ большія надежды, отъ него ждутъ слова, разрѣшающаго ихъ недоумѣнія и указывающаго имъ путь практической дѣятельности. Кулишъ, совершенно незнакомый съ галицкими отношеніями, рекомендуетъ галичанамъ какое-то туманное славянофильство, болѣе похожее на Хомяковское, чѣмъ на Шевченковское, не менѣе туманное народничество, и въ концѣ концовъ непримиримую борьбу съ поляками. Разумѣется, кромѣ этого послѣдняго пункта, продиктованнаго галичанамъ ихъ мѣстными обстоятельствами, идеи Кулиша были для галичанъ со всѣмъ непонятны. Вотъ почему, не смотря на-

популярность его имени, газеты, бывшія его органами, имѣли мало читателей; основанная имъ въ 1868 г. «Правда» влачила жалкое существованіе, а напечатанный имъ въ приложеніи къ той же «Правдѣ» украинскій переводъ Священнаго Писанія также не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагалъ Кулишъ. Между тѣмъ нѣкоторые вожаки украинофильскаго движенія, какъ упомянутые К. Горбаль и Вол. Шашкевичъ, поддались вліянію намѣстника Галиціи, заклятаго врага русинскаго движенія графа Голуховскаго и стали издавать полуофициальную газету «Русь», имѣвшую, впрочемъ, ничтожное число подписчиковъ и не прожившую даже года. Понятно, что къ концу 60-хъ годовъ старая или «москвофильская» партія, имѣвшая въ своихъ рукахъ богатая учрежденія какъ «Народный Домъ», «ставропигійскій институтъ», обѣ епископскія консисторіи, всю сеймовую и вѣнскую депутацію, могла насмѣшливо относиться къ украинофильствующей молодежи и даже съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить, что украинофильство — это «польская интрига». Но сама жизнь, за недостаткомъ ясной программы, наводила молодежь на путь практической работы. Молодые украинофилы выносили изъ своихъ увлеченій Шевченкомъ и мечтаній объ Украйнѣ желаніе сблизиться съ народомъ, изучать его рѣчь, записывать его пѣсни. Въ 60-хъ годахъ молодежь и нѣкоторыми изъ «старыхъ» была записана масса народныхъ пѣсень, часть которыхъ вошла въ извѣстное собраніе Головацкаго (напр. пѣсни Галиц. и Угорской Руси), изданное въ Москвѣ, но болѣе значительная часть до сихъ поръ не опубликована. Сближаясь съ народомъ хотя бы съ этнографической цѣлью, молодежь убѣждалась воочію въ необходимости его просвѣщенія, и для этой цѣли основала въ 1867 г. во Львовѣ «Просвіту»—общество для изданія популярныхъ книгъ, существующее и до сихъ поръ и издавшее 284 номера брошюръ, въ числѣ болѣе милліона экземпляровъ. Это были два самыя цѣнныя приобрѣтенія галицкаго украинофильства 60-хъ годовъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Ю. литературѣ и наукѣ возникаетъ значительное оживленіе. Появляется цѣлая плеяда талантливыхъ писателей и ученыхъ, печатающихъ свои труды преимущественно на русск. языкѣ, но ставящихъ себѣ цѣлью разработку украинской исторіи, этнографіи, языка. Самые видные изъ нихъ давно заняли почетное мѣсто въ русской наукѣ, какъ лингвистъ и этнографъ А. Потемня, историкъ В. Б. Антоновичъ, лингвисты П. Житецкій, Михальчукъ, В. Науменко, этнографы П. П. Чубинскій и М. Драгомановъ. Всѣ эти ученые (кромѣ перваго) въ началѣ 70-хъ годовъ составили въ Кіевѣ «Югозападный отдѣлъ Русск. географическаго общества», сдѣлавшійся на нѣкоторое время центромъ украинской мысли и науки. Чубинскій былъ руководителемъ этнографической экспедиціи въ Юго-Западный край, снаряженной Имп. русскимъ географич. обществомъ, и собралъ громадный этнографическій матеріалъ (7 большихъ томовъ), легшій въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по этнографіи и языку

Южной Руси. Антонович опубликовал архивные материалы, освещающие самые основные вопросы социального и политического строя Украины в его историческом развитии (церковь, козачество, города, крестьянство, гайдмачество, колдовство) и совместно с Драгомановым начал критическое издание «Исторических пѣсенъ южнорусскаго народа» (2 тома). Житецкій издалъ «Очеркъ звуковой исторіи южнорусскаго языка», Пересопницкое евангеліе и съ статьей о его языкѣ. Драгомановъ издалъ богатый сводъ малорусскихъ преданій и рассказовъ и занялся сравнительнымъ изученіемъ южнорусскаго фольклорнаго матеріала, въ связи съ славянскимъ, западноевропейскимъ и восточнымъ. Ив. Рудченко издалъ замѣчательный сборникъ чумацкихъ пѣсенъ, его братъ Аѳанасій—двухтомный сборникъ южнорусскихъ сказокъ, А. Ефименко—сборникъ малорусскихъ заклинаній и т. д. Въ «Запискахъ Югозападнаго отдѣла Русскаго географическаго общества» были напечатаны новыя изслѣдованія и матеріалы Волкова, Лоначевскаго (Буковинскія народныя пѣсни), Лисенка (репертуаръ кобзаря Вересая, съ музыкой и изслѣдованіемъ о ней). Все это значительно расширило кругозоръ и оживило украинское движеніе. Но украинское движеніе въ Кіевѣ на этотъ разъ не было заключено въ тѣсныя рамки партикулярныхъ усилій кабинетныхъ ученыхъ: оно развивалось въ болѣе или менѣе живой связи съ прогрессивными и либеральными элементами русскими и польскими. Явилась настоятельная потребность осмыслить украинскую дѣятельность, дать ей широкую программу. Особенно дорожа связью съ русскимъ прогрессивнымъ движеніемъ, тогдашніе кіевскіе украинофилы отклоняли мысль о какомъ-нибудь государственномъ украинскомъ сепаратизмѣ и, добиваясь реформъ въ либеральномъ духѣ, надѣялись на этой почвѣ найти мѣсто для свободнаго культурнаго развитія Украины. Вотъ почему, не предрѣшая будущаго, они принимали мысль Костомарова создавать на украинскомъ языкѣ литературу и науку «для домашняго обихода», т. е. для элементарнаго обученія и просвѣщенія народа, допуская и даже требуя для болѣе просвѣщенныхъ классовъ литературы и науки на русскомъ языкѣ. Еще въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ гг. появляется цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, которые какъ будто даютъ себѣ слово отдать свой талантъ исключительно на службу украинскому слову и въ своихъ сочиненіяхъ обращаются преимущественно къ интеллигенціи, а не къ простому, въ подавляющемъ большинствѣ совсѣмъ даже неграмотному народу. Самый замѣчательный изъ этихъ писателей, Иванъ С. Левицкій (Нечуй), съ 1868 г. началъ печатать въ Галиціи свои очерки—«Дві московки» и «Горыславська нічъ»,—послѣ которыхъ далъ рядъ большихъ романовъ («Причепа», «Хмары», «Кайдашева семья», «Микола Джеря», «Бурлачка»), въ которыхъ набросалъ мастерскія картины быта правобережной Украины, крестьянъ, заводскихъ рабочихъ, духовенства, шляхтичей—арендаторовъ и помѣщиковъ, студентовъ и профессио-

ровъ, мѣщанъ и евреевъ. Левицкій—хорошій рассказчикъ, съ небольшой дозой юмора; нарисованные имъ типы пластичны и выхвачены изъ живой дѣйствительности; онъ стремится вездѣ къ полной ихъ этнографической обрисовкѣ, между тѣмъ какъ психологическій анализъ отступаетъ на задній планъ. Поэтичность описаній природы, прекрасный языкъ сдѣлали И. С. Левицкаго любимцемъ читающей публики въ Украинѣ и въ Галиціи. Рядомъ съ нимъ выступаетъ Панасъ Мирный, сильный эпическій талантъ, представитель лѣвобережной Украины съ ея степями, слободами и хуторами. Онъ началъ небольшими очерками изъ жизни городского населенія (Пьяница, Лихій попутавъ), а въ большомъ романѣ «Хиба ревуть волю якъ ясла повни» далъ широко задуманную исторію украинскаго села почти за цѣлое столѣтіе и на этомъ фонѣ представилъ рядъ интересныхъ типовъ (крестьянинъ бунтовщикъ) и потрясающихъ сценъ («Солдаты на прокормленіи», «Усмиреніе бунта»). Этимъ романомъ, не смотря на его злополучную судьбу (дозволенный цензурой въ 1873 г., онъ не былъ тогда напечатанъ, а напечатанный въ 1879 г. въ Женевѣ былъ запрещенъ не только въ Россіи, но и въ Австріи; въ Россіи онъ появился только въ 1903 г.). Мирный сразу выдвинулся въ первый рядъ украинскихъ писателей. Напечатанныя имъ позже двѣ части большого романа «Повія» еще болѣе подняли его репутацію; точное знакомство съ жизнью, пластичность изображенія, тонкое и глубокое психологическое наблюденіе, прекрасный, богатый языкъ встрѣтили единодушное признаніе критики. Гораздо ниже какъ по художественному достоинству, такъ и по вліянію на украинскую публику стоятъ многочисленные стихотворенія, рассказы и романы А. Я. Конисскаго, печатавшаго большую часть своихъ произведеній въ Галиціи. Въ своихъ романахъ («Семень Жукъ и его родичи», «Юрій Горовенко», «Въ гостяхъ добре, дома наилучше») онъ пытался изображать жгучіе конфликты и явленія современной общественной жизни, но эти изображенія и въ идейномъ, и въ художественномъ отношеніи очень слабы. Гораздо удачнѣе его небольшіе очерки изъ крестьянской и вообще деревенской жизни, гдѣ мѣткость наблюденія соединяется съ живостью и драматичностью рассказа. Значительно выше, особенно какъ лирикъ, стоитъ М. П. Старицкій, давшій украинской литературѣ, кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, длинный рядъ хорошихъ переводовъ изъ Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Мицкевича, Байрона и сербской народной поэзіи; менѣе удаченъ его переводъ Шекспирова «Гамлета». Впослѣдствіи Старицкій явился однимъ изъ основателей и наиболѣе плодовитымъ драматургомъ украинскаго театра.—Оживленная дѣятельность кіевскаго кружка длилась едва нѣсколько лѣтъ. Время было тревожное; «хождение въ народъ» одной части русской молодежи и пропаганда социалистическихъ идей встревожили правительство; въ Кіевѣ нашлись люди, которые имѣли личные счеты съ украинофилами и, пользуясь изданіемъ нѣсколькихъ социалистическихъ бро-

шюръ въ Вѣнѣ—изданіемъ, съ которымъ кievскіе крайнофилы не имѣли ничего общаго, —счумѣли представить крайнофильство какъ очагъ антигосударственной и антиобщественной пропаганды и добиться такимъ образомъ указа 16 мая 1876 г. (прозваннаго «Lex Josephoviciana»), запрещающаго печатаніе всякихъ книгъ и даже текстовъ подъ нотами, особенно всякихъ научныхъ и популярныхъ сочиненій на украинскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, этнографическихъ матеріаловъ и историческихъ актовъ. Въ тоже время былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества въ Кіевѣ, заарестованы собранные имъ этнографическіе и другіе научные матеріалы; М. Драгомановъ устраненъ отъ преподаванія въ кievскомъ университетѣ и уѣхалъ за границу. Начался третій антрактъ въ исторіи развитія украинской литературы, антрактъ, можетъ быть, самый длинный и самый тяжелый, длившійся почти 20 лѣтъ и, не смотря на нѣкоторыя облегченія, созданныя указомъ 1881 г. и самой практикой жизни, не окончившійся вполне и до сихъ поръ. Въ первое время послѣ указа украинцы были какъ будто парализованы. Совѣтъ перенести базисъ литературной дѣятельности въ Галицію не встрѣчалъ сочувствія. Малокультурность и отсталость галицкихъ вожаковъ, безъ различія партій, отталкивала украинцевъ отъ сношеній съ ними; единственный крайнофильскій органъ въ Галиціи въ 70-хъ г., «Правда» давалъ очень нелестное представленіе о галицкихъ редакторахъ и сотрудникахъ, кромѣ Владиміра Навроцкаго, даваго нѣсколько дѣльныхъ статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ Галиціи. Присылаемые изъ Украины статьи и даже беллетристическія произведенія не печатались цѣлые годы или пропадали; въ самыхъ основныхъ вопросахъ политическихъ и общественныхъ редакція высказывала мысли, вызывавшія горячіе протесты со стороны украинцевъ. Драгомановъ, живя еще въ Кіевѣ, нѣсколько разъ пытался навязать болѣе близкія и дружественныя сношенія съ галицкими крайнофилами, но напрасно. Основанное при его содѣйствіи на деньги, пожертвованныя изъ Украины, «Общество имени Шевченка», долженствовавшее сдѣлаться центромъ общей украинцамъ и галичанамъ литературной и научной работы, въ рукахъ галичанъ сдѣлалось почти мертвымъ и не выходило изъ финансовыхъ затрудненій. Вотъ почему Драгомановъ рѣшился обратиться къ молодежи такъ назыв. москвофильскаго лагеря, издававшей тогда газетку «Другъ». Три письма, написанныя имъ въ редакцію этой газеты въ 1875—76 гг., произвели очень сильное впечатлѣніе. Онъ почти не затрагивалъ національныхъ и партійныхъ вопросовъ (даже письма свои писалъ по-русски), но корилъ молодежь за ея культурную и научную отсталость, за лѣность мышленія, за отсутствіе этического идеала, указывалъ неотложный нравственный долгъ служить своему народу и работать для него. Эти письма сдѣлались исходной точкой новаго, радикально демократическаго движе-

нія среди русинской молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ новаго развитія литературы. Драгомановъ рѣзко критиковалъ всю тогдашнюю галицкую и украинскую литературу, указывая ея невысокую художественную стоимость и малую идейность. Галицкая администрація возбудила противъ его приверженцевъ цѣлый рядъ процессовъ, изъ-за мнимо-соціалистической пропаганды. Это сплотило небольшую группу людей (М. Павликъ, Остапъ Терлецкій, Иванъ Франко и др.) для рѣшительной борьбы съ галицкой заскорузлостью и безпринципностью. Изданія этой группы—«Громадскій Другъ», «Дзвінь», «Молоть»—систематически конфисковались полиціей; ихъ редакторъ М. Павликъ за свою новеллу «Тетяна Ребенщукова» былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію и долженъ былъ уѣхать за границу. Къ концу 1879 г. кружокъ разбился, успѣвъ, однако, дать нѣсколько литературныхъ произведеній, рѣзко отличавшихся отъ всего, что до сихъ поръ производила галицко-русская беллетристика (новеллы Павлика «Юрко Куликівъ» и «Тетяна Ребенщукова», его большой рассказъ «Пропашій чоловікъ», Франка «Воа Constrictor» и «На дні»). Между тѣмъ Драгомановъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Женеву, гдѣ началъ изданіе научно-литературнаго сборника «Громада»—изданіе своеобразное, носившее печать сильной личности издателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживавшее почти съ самаго начала его изолированность среди украинскаго общества. Немногочисленные сотрудники ступшевывались; «Громада» была какъ будто органомъ самого Драгоманова. Хотя въ ней печатались большею частью вещи, которыя могли преспокойно появиться въ Австріи и даже въ Россіи, но изъ-за имени издателя и изъ-за мѣста печатанія всѣ книжки систематически запрещались въ Австріи, не исключая даже романа Мирнаго и комментированныхъ текстовъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Въ Россію эти изданія тоже не шли и, такимъ образомъ, печатаніе ихъ вскорѣ должно было потерять всякій смыслъ. Драгомановъ работалъ усиленно, далъ въ «Громадѣ» рядъ цѣнныхъ статей («Народні школы на Україні», «Україна і центри», «Шевченко, українофілы і соціалізмъ» и т. п.), но въ началѣ 80-хъ годовъ долженъ былъ прекратить изданіе. Онъ помѣстилъ еще нѣсколько публицистическихъ и критическихъ статей въ женевскихъ русскихъ изданіяхъ «Вольномъ словѣ» и «Свободной Россіи» («Историческая Польша и великорусская демократія», «Изъ исторіи русскаго либерализма»), думалъ пріятыся за написаніе обширной исторіи украинской литературы, но въ концѣ 80-хъ годовъ уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ преподавалъ исторію въ софійскомъ университетѣ и напечаталъ рядъ цѣнныхъ статей по сравнительному изученію славянскихъ и европейскихъ легендъ и религіозныхъ вѣрованій въ «Сборникѣ за народни умотворенія». Въ Украинѣ, между тѣмъ, литературная производительность почти совсѣмъ изсякла. Изданные М. П. Старицкимъ въ 1883—84 гг. два тома сборника «Рада» свидѣтельствовали

о томъ, что украинская литература имѣетъ недюжинные таланты, умѣющіе глубоко и пристально заглядывать въ жизнь и художественно воспроизводить ее (драма Старицкаго «Не судилось», романъ Мирнаго «Повія», рассказъ Ив. Левицкаго «Микола Джеря», поэма Олены Пчилки «Козачка Олена», опытъ библиографіи украинской литературы за XIX стол. М. Комарова и др.); но сдѣлать изъ «Рады» періодическій ежегодникъ оказалось невозможнымъ. Для научной разработки исторіи, археологіи, этнографіи Украины возникаетъ съ 1881 г. «Кіевская Старина», соединяющая въ себѣ лучшія научныя силы Южной Руси и давшая масса цѣнныхъ работъ, и матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго, кто хочетъ заниматься Южной Русью. Здѣсь печатались сначала совсѣмъ по-русски, потомъ съ удержаніемъ украинской рѣчи въ разговорахъ, наконецъ и совсѣмъ по-украински многочисленные рассказы изъ украинской исторіи и современной жизни, въ томъ числѣ и такія капитальныя вещи, какъ романъ И. С. Левицкаго «Старосвітскі батюшки и матушки», Мирнаго «Пропаща сила», рассказы Коцюбинскаго, Гринченка, Винниченка, Чернявскаго, драмы Старицкаго («Богданъ Хмельницкій», «Облога Буши», «Остання ничь») и Карпенка Караго («Сава Чалый» и др.). Большое значеніе для дальнѣйшаго развитія украинской литературы имѣло возникновеніе (около 1883 г.) украинскаго театра. Уже въ XVIII в. при дворахъ зажиточныхъ украинскихъ пановъ были театральныя труппы изъ крѣпостныхъ; для такихъ труппъ писали свои комедіи и мелодрамы И. П. Котляревскій и В. Гоголь (отецъ), изъ нихъ выходили художники-актеры, какъ Соленикъ и знаменитый Щепкинъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ польскія кочующія труппы въ правобережной Украинѣ даютъ иногда тоже малорусскіе спектакли; въ лѣвобережныхъ городахъ существуютъ труппы любителей, устраивающія русскіе и украинскіе спектакли. Изъ такихъ спектаклей составила въ началѣ 80-хъ годовъ, по инициативѣ М. Старицкаго и при участіи талантливыхъ актеровъ Кропивницкаго, трехъ братьевъ Тобилевичей, Карпенка-Караго, Садовскаго и Саксаганскаго и актрисъ Маріи Заньковецкой, Затыркевичъ и др., первая правильная украинская труппа, получившая, въ 1883 г., позволеніе давать украинскіе спектакли съ тѣмъ условіемъ, чтобъ каждый такой спектакль былъ соединенъ съ представленіемъ одной русской пьесы. Труппа была прекрасно организована и имѣла большой успѣхъ. Первоначально ей не было дозволено играть въ Кіевѣ и другихъ значительныхъ южно-русскихъ городахъ и поэтому ея карьера началась въ Москвѣ и Петербургѣ. Надъ расширеніемъ репертуара работали М. Старицкій, М. Кропивницкій, авторъ нѣсколькихъ хорошихъ пьесъ изъ народной жизни («Глытай, Доки сонце зійде, роса очи виість», «Дай серцю волю», «По ревизіи») и самый талантливый и плодовитый изъ украинскихъ драматурговъ, Карпенко-Карый, пытавшійся въ рядѣ сценически интересныхъ пьесъ освѣтить и драматизиро-

вать разныя характерныя явленія въ жизни современной украинской деревни и давшій на этомъ фонѣ рядъ глубоко задуманныхъ и художественно обрисованныхъ типовъ («Бурлака», «Наймичка», «Чумаки», «Сто тысячъ», «Розумный и дурень», «Хозяинъ»); менѣе удачны его попытки представить современнаго украинскаго интеллигента («По надъ Днпромъ»), равно какъ и опыты исторической драмы («Бондаривка», «Паливода XVIII вѣка»), кромѣ упомянутаго уже «Сава Чалаго». Изъ современныхъ украинскихъ драматурговъ назовемъ еще Мирнаго («Лемеривна», «Перемудривъ»), Гринченка («Ясны Зори», «За батька», «Арсенъ Яворенко», «Середъ бури»), Яновскую («На зеленый клынь», «Дзвінь до церкви людей склыкае, а самъ у ній не буває», «На Меланки»), Манька («Нещасне Коханна»), Бораковскаго («Маруся Чурай»), Людмилу Старицкую (лирическая драма «Сафо»). Въ Галиціи, не смотря на болѣе свободную театральную цензуру и не смотря на то, что правильная театральная малорусская труппа составила здѣсь еще въ 1864 г. и пользуется небольшою субсидіей отъ мѣстнаго сейма (сначала 3, теперь семь съ половиною тысячъ гульденовъ), театр не поднялся до сихъ поръ на высоту художественнаго исполненія, не создалъ сколько-нибудь выдающагося собственнаго репертуара. Самое лучшее въ его репертуарѣ—это украинскія пьесы; изъ галицкихъ произведеній, кромѣ мелодрамъ Гушалевича («Пидгириане») и передѣлокъ Устыяновича («Верховинцы»), самымъ большимъ успѣхомъ пользовались сочиненія Григорія Цеглинскаго («Тато на заручинахъ», «Лихій день», «Соколики», «Шляхта Ходачкова», «Аргонавты» и др.), при всей сценичности не свободныя отъ шаблонности въ обрисовкѣ фигуръ и наивности въ пониманіи жизни. Въ общественной жизни Галиціи начало 80-хъ гг. ознаменовалось банкротствомъ старой или москвофильской партіи (покража фондовъ сиротской кассы при митрополичьей консисторіи, процессъ Ольги Грабаръ, Наумовича, Площанскаго и товарищей, паденіе крылошанскаго банка, эмиграція Наумовича въ Россію) и сильнымъ развитіемъ такъ наз. молодой или украинофильской партіи, которая теперь, значительно урѣзавъ свое украинофильство, превратилась въ русинскую, національную или народовецкую партію. Главными дѣятелями этого превращенія были священникъ и депутатъ Стефанъ Качала, братья Володимиръ, Александръ и Іосифъ Барвинскіе, Юліанъ Романчукъ и Емельянъ Партыцкій. Романчукъ началъ еще съ 1879 г. издавать популярную политическую газету «Батьківщина»; Барвинскіе съ 1880 г. основали большую политическую газету «Дило», рассчитанную главнымъ образомъ на униатское духовенство и чиновничью интеллигенцію; Партыцкій въ томъ же году началъ издавать литературно-научную часопись «Зоря». Во всѣхъ этихъ изданіяхъ замѣтно какое-то умышленное ограниченіе горизонта; не упоминается почти вовсе объ Украинѣ, боязливо обходится все, что могло бы не нравиться духовенству; исподтишка броса-

ются камни въ свободолюбное молодое поколѣніе, издающее журнальчикъ «Свѣтъ», въ которомъ сотрудничаютъ и украинцы (Конисскій, Волковъ, И. С. Левицкій, Гринченко). Въ 1880 г. прѣхалъ во Львовъ П. А. Кулишъ, съ намѣреніемъ печатать здѣсь свой переводъ Шекспира, для чего украинцами была собрана довольно значительная сумма. Въмѣсто этого полезнаго дѣла онъ далъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ поймать себя на удочку «культурности» и выступилъ въ роли примирителя русиновъ съ поляками въ Галиціи. Изданная имъ съ этой цѣлью «Крашанка» встрѣтила со стороны украинцевъ всѣхъ партій единодушный отпоръ (статьи Барвинскаго въ «Дили», Франко въ «Свѣті», брошюра Мордовцева въ Петербургѣ), а вышедшая въ то же время книжка его «Хуторна поезія» обнаружила въ авторѣ просто болѣзненное состояніе духа. Поляки увидѣли, что съ нимъ нечего считаться, обѣщанныхъ денегъ на изданіе предполагавшейся газеты «Хуторъ» не дали и вмѣсто примиренія съ русинами начали самый рѣшительный подкопъ подъ ихъ національное существованіе, пытаясь, посредствомъ реформы базилианскаго ордена іезуитами, перевоспитать въ своемъ духѣ черное духовенство, чтобы впослѣдствіи имѣть преданную интересамъ латинства униатскую іерархію. Кулишъ понялъ, что его подвели, и уѣхалъ обратно въ Россію, посвятивъ свои послѣдніе годы переводамъ (Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете, Гейне) и оригинальнымъ поэтическимъ сочиненіямъ (кромя множества мелкихъ стихотвореній—драмы «Байда», «Царь Налывай» и «Сагайдачный», поэмы «Маруся Богуславка», «Магометъ и Хадиза», «Кулишъ у пекли» и еще цѣлый рядъ другихъ, сгорѣвшихъ, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, во время пожара его хутора). Въ этихъ позднихъ сочиненіяхъ Кулишъ уже не подражаетъ Шевченку, находитъ свой собственный тонъ; подчасъ у него выливаются стихи, удивительные по силѣ и образности экспрессіи, полные искренняго чувства. Большею частью, однако, его стихотворенія производятъ впечатлѣніе лепета больного чело-вѣка. Его смерть вызвала во всей Украинѣ скорѣе чувство облегченія, чѣмъ скорби; онъ пережилъ себя по крайней мѣрѣ лѣтъ на 10.

Въ Галиціи, послѣ смерти Вол. Барвинскаго (1883), одно время могло казаться, что разрывъ среди «народной» партіи будетъ устраненъ; люди молодого поколѣнія начали работать въ «Дилѣ», помогли устроить нѣсколько народныхъ собраній, способствовавшихъ сильному подъему духа среди духовенства и крестьянства восточной Галиціи, стали сотрудничать «Зори» и значительно оживили литературу. Но ретроградные элементы оттолкнули отъ себя молодое поколѣніе и къ концу 80-хъ годовъ разрывъ дѣлается полнымъ. Молодежь, подъ вліяніемъ идей Драгоманова, рѣшается обратиться прямо къ народной массѣ и поднять ее на борьбу за расширеніе ея гражданскихъ и національныхъ правъ; образуется крестьянская радикальная партія, агитирующая посредствомъ своей прессы («Народъ», «Хлиборобъ», «Радикалъ», «Громадскій голосъ»)

и безчисленныхъ народныхъ собраній за общую подачу голосовъ при всякихъ выборахъ, за переустройство страны въ либеральномъ духѣ, за устраненіе привилегій шляхты, за социальное обезпеченіе рабочаго и крестьянскаго населенія. Въ тѣхъ же изданіяхъ Драгомановъ, уже тяжело больной, кромѣ ряда критическихъ и публицистическихъ статей далъ замѣчательный разборъ разныхъ спорныхъ вопросовъ современной украинской жизни (о націонализмѣ и интернационализмѣ, о самобытности и культурной общности, о національныхъ святыняхъ и т. п.), а также обзоръ современнаго состоянія научныхъ работъ по изученію Украйны («Чудацкі думки», «Лысты на наддніпрянску Украйну»). Ему же принадлежитъ рядъ хорошихъ популярныхъ брошюръ, излагающихъ въ общедоступной формѣ результаты современнаго сравнительнаго изученія религіозныхъ вѣрованій («Оповідання про заздрыхъ богивъ», «Рай і поступъ») или рисующихъ крупныя историческія моменты («Іван Виклифъ», «Пятьсот лѣтъ швейцарської спілки»). Этими брошюрами, которыя были продолженіемъ его прежнихъ, еще въ Кіевѣ начатыхъ (Про украинскихъ козакивъ, татаръ и туркиивъ) и въ Женевѣ продолжавшихся популярныхъ изданій («Про хлиборобство», «Про те, якъ земля наша стала не наша»), Драгомановъ вступилъ въ ряды лучшихъ популярныхъ писателей не только южнорусскихъ, но и вообще славянскихъ. Напечатанные въ началѣ 90-ыхъ годовъ во Львовѣ его мемуары («Австро-рускі спомины») обнаружили въ этомъ безпощадномъ и иногда слишкомъ строгомъ критикѣ и «космополитѣ» чело-вѣка симпатичнаго, чуткаго ко всему доброму и честному и горячо любящаго свою родину. Между тѣмъ старое поколѣніе бывшихъ галицкихъ украинофиловъ добилось нѣкотораго политическаго значенія и успѣло въ 1889 г. провести въ галицкій сеймъ нѣсколькихъ депутатовъ, въ томъ числѣ Романчука, нотаріуса Телишевскаго, адвоката Окуневскаго. Сначала эти депутаты довольно живо и талантливо защищали крестьянскіе и національные русинскіе интересы, но потомъ, увлеченные до сихъ поръ не совсѣмъ выясненными посулами со стороны тогдашняго галицкаго намѣстника графа К. Бадени и стоявшей за его плечами польской шляхетской партіи, заключили договоръ, долженствовавшій сдѣлать ихъ изъ оппозиціонной какою-то полуофициальной партіей. Это польско-русинское соглашеніе, шумно прозванное его инициаторами «новой эрой», сдѣлалось эрой деморализаціи и привело къ кровавымъ Бадениевскимъ выборамъ 1897 г.—отвѣту польской правительствующей партіи на стремленіе галицко-русскаго народа «свое сужденіе имѣть» и въ политическихъ вопросахъ. Польскіе заправилы не сдержали своихъ обѣщаній контрагентамъ «новой эры»: Телишевскій, потомъ Романчукъ отступили отъ своего созданія, и для русиновъ оказался возможнымъ только одинъ способъ дѣйствій—тотъ самый, на который до тѣхъ поръ указывала радикальная партія: добиваться политической силы посредствомъ умственнаго и экономическаго

поднятія крестьянскихъ массъ и ихъ политической и классовой организаціи. Вотъ какіе обходные пути были нужны, чтобы сошлись вмѣстѣ два поколѣнія галицко-русскихъ «народниковъ». Это случилось въ концѣ прошлаго столѣтія, когда изъ членовъ бывшей народной и бывшей радикальной партій образовалась національно-демократическая партія, которая въ своей программѣ выставила идеаль самостоятельнаго развитія русинской національности на основаніи экономическаго подъема народной массы и цѣлаго ряда социальныхъ реформъ, въ духѣ равенства и справедливости. Конечно, и послѣ установленія общей программы внутри національно-демократической партіи продолжаетъ идти борьба мнѣній и направленій, не исключена возможность новыхъ попытокъ парламентскихъ компромиссовъ; но въ виду значительно выросшей политической и культурной организаціи народныхъ массъ (тысячи читаленъ по деревнямъ и городамъ, сотни экономическихъ и политическихъ обществъ) и оживленной агитаціи посредствомъ прессы и собраній такія попытки имѣютъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Въ «старой» или «москвофильской» партіи также произошла эволюція. Старое поколѣніе продолжаетъ идти торной дорогой 50-хъ и 60-хъ годовъ, но молодое пытается осуществить свои заявленія объ общерусскомъ единствѣ. Политическая пресса москвофиловъ играетъ въ мѣстныхъ вопросахъ роль консерваторовъ и изъ оппозиціи къ радикаламъ и національ-демократамъ идетъ рука въ руку съ польской шляхтой, а то и прямо заискиваетъ въ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ она усиленно защищаетъ всѣ мѣры, предпринимаемыя въ Россіи по отношенію къ окраинамъ. Въ литературномъ отношеніи эта партія пробавляется перепечаткой русскихъ сочиненій, смѣшивая иногда Л. Толстого и Тургенева съ Марлинскимъ и Немировичемъ-Данченкомъ, возводимымъ въ классики русской литературы. Изъ собственныхъ беллетристовъ старой партіи имѣлъ нѣкоторую популярность о. Хплякъ (Геронимъ Анонимъ), авторъ недурныхъ рассказовъ изъ галицкой народной жизни; но онъ впадалъ въ слащавый и неестественный тонъ всякій разъ, когда пытался выйти изъ крестьянской среды. Еще менѣе интереса представляетъ Василій Залозецкій, авторъ археологическихъ и историческихъ рассказовъ изъ прошлаго Галиціи, подражающій Марлинскому и Загоскину. Молодые «радикальные москвофилы» пытаются, не всегда удачно, писать русскимъ литературнымъ языкомъ: ихъ беллетристы (Н. Вергунъ, Ю. Яворскій, Ѳ. Глушкевичъ) не произвели до сихъ поръ ничего такого, что можно было бы назвать вкладомъ въ русскую литературу; для южнорусской ихъ упражненія также не имѣютъ никакого значенія.—Для Ю. литературы послѣдніе годы XIX и первые годы XX столѣтія были временемъ значительнаго оживленія и подъема. Появляется цѣлый рядъ молодыхъ работниковъ, расширяющихъ горизонтъ литературныхъ и научныхъ интересовъ; создаются спеціальныя организаціи для научной и литературной работы, смягчается

постепенно цензура, главнымъ образомъ въ отношеніи къ популярнымъ изданіямъ. Къ лучшимъ популяризаторамъ принадлежатъ Е. Х. Чикаленко («Розмовы про сельске хозяйство»), Гамалій (очерки по географіи Россіи), Гринченко и Марья Загирня (біографіи видныхъ украинскихъ и чужихъ дѣятелей—Стефенсона, Вашингтона, Сократа, Линкольна и др.). Серіи популярныхъ изданій возничаютъ въ Черниговѣ, Харьковѣ (по инициативѣ талантливаго украинскаго беллетриста Игн. Хоткевича), Черкасахъ и Кіевѣ. Въ послѣднее время на первый планъ въ этомъ отношеніи выступаетъ С.-петербургское благотворительное общество для изданія популярныхъ книгъ, выпустившее въ свѣтъ, кромѣ упомянутыхъ уже «Розмовъ» Чикаленка (5 книжекъ), хорошо обработанное «Бжильництво» г. Немоловскаго, метеорологію г. Русова и значительное число другихъ популярныхъ книгъ. Эти изданія расходятся въ очень значительномъ количествѣ, не десятками, а сотнями тысячъ экземпляровъ; значить, масса народа начала чувствовать потребность въ книгѣ на родномъ языкѣ. Въ еще болѣе значительной степени это можно сказать объ украинской интеллигенціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ «Основа» имѣла едва нѣсколько сотъ подписчиковъ и самая популярная украинская книга «Кобзарь» Шевченка печаталась въ 3000 экзempl. и этого изданія хватало на цѣлое десятилѣтіе; теперь изданіе «Кобзаря» въ 10000 экз. разошлось въ продолженіе трехъ лѣтъ. Сочиненія новыхъ беллетристовъ, печатавшіяся прежде въ 1000—1500 экз. и лежавшія цѣлые годы на полкахъ, теперь печатаются въ 3—5 тыс. экз. и расходятся въ продолженіе года, двухъ. Изданный въ 1900 г. сборникъ украинской поэзіи «Викъ» былъ по подпискѣ разобранъ еще до появленія въ свѣтъ въ 3000 экз.; новое изданіе, которое пришлось изготовлять немедленно, разошлось въ продолженіе трехъ лѣтъ въ 5000 экз., хотя состояло изъ трехъ толстыхъ томовъ и стоило 6 рублей. Этотъ спросъ на украинскую книгу отчасти вызванъ оживленіемъ національнаго чувства, отчасти значительнымъ подъемомъ идейнаго уровня литературы и разнообразіемъ ея содержанія. Украинская литература послѣдняго десятилѣтія обогатилась новыми талантами, ищущими новыхъ дорогъ и новыхъ горизонтовъ. Вошедшая было въ пословицу шаблонная украинская пидилія съ ея «дивчатами», «вишневыми садками», «соловейками» и «любощами» отошла въ область преданія. Серьезное изученіе народной жизни и ея новыхъ экономическихъ и социальныхъ явленій, роли интеллигенціи въ украинскомъ селѣ и городѣ, тяжелой драмы, порождаемая ломкой старыхъ семейныхъ и идейныхъ устоевъ, борьба за самоопредѣленіе и самовыраженіе личности—все это находитъ болѣе или менѣе сильное художественное выраженіе въ произведеніяхъ современныхъ украинскихъ писателей. Кое-что уже указано выше въ бѣглому обзорѣ драматической литературы. Романъ въ украинской литературѣ до сихъ поръ какъ-то не можетъ развернуться; старые работники Свид-

ницкій, Левицкій и Мирный все еще не опережены новым поколѣніемъ, не смотря на интересныя попытки Б. Гринченка («Соняшный промѣнь», «На рослути»), пытавшагося на фонѣ современной украинской дѣйствительности представить зарожденіе новаго типа радикальнаго демократа и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденнаго украинскаго націонала, — а также М. Школиченка («На сели»), В. Левенка, («Старе й нове») и др. За то въ области новеллы и разсказа украинская литература имѣетъ рядъ молодыхъ работниковъ, которые могли бы занять почетное мѣсто въ любой, болѣе богатой письменности. По свѣжести и гармоничности таланта на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Мих. Коцюбинскаго, который мягкостью колорита, законченностью композиціи, пластичностью рисунка и иѣжнымъ лиризмомъ наиболѣе напоминаетъ Тургенева. Возлѣ него стоятъ упомянутые уже Б. Гринченко, А. Крымскій, Дм. Маркевичъ, В. Левенко, Г. Хоткевичъ, Надія Кибальчичъ, В. Потапенко, О. Романова, В. Кравченко, М. Чернявскій, Я. Жарко и самый яркій изъ начинающихъ талантовъ — Винниченко. Не менѣе богато и разносторонне развивается лирическая поэзія. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ сильный талантъ Леси Украинки (псевдонимъ), у которой нота глубокой гражданской скорби сливается съ энергической рѣшимостью бороться за осуществленіе высокихъ идеаловъ и съ нѣсколько аскетическимъ отреченіемъ отъ личныхъ удовольствій (см. особенно ея прекрасный драматическій этюдъ «Одержима»). Не менѣе своеобразный талантъ обнаружилъ Вл. Самійленко, одинъ изъ лучшихъ мастеровъ украинскаго языка, авторъ лирическихъ стихотвореній, переводчикъ «Тартюфа» Мольера и десяти пѣсень Дантова «Ада», интересный особенно какъ сатирикъ; его сатира «На печи», написанная къ столѣтнему юбилею новой украинской литературы (1898)—настоящій *carmen saeculare* украинской лѣни и безпечнаго квіетизма. Павелъ Грабовскій, недавно преждевременно скончавшійся въ Иркутскѣ, далъ, кромѣ лирическихъ стихотвореній, навѣянныхъ суровой и безотраднѣею жизнью ссыльнаго и тоской по Украйнѣ, длинный рядъ переводовъ, между прочимъ изъ Ады Негри и русскихъ былинъ. А. Е. Крымскій, извѣстный ориенталистъ, далъ украинской беллетристикѣ книжку прозаическихъ разсказовъ, среди которыхъ «Psychopathia nationalis» отличается яркостью красокъ и глубокимъ лиризмомъ, а также книгу стихотвореній «Пальмове гилля», въ которомъ субъективизмъ автора своеобразно сливается съ пышными ориентальными пейзажами и съ отголосками ориентальной поэзіи. Кромѣ того онъ напечаталъ въ Галиціи переводъ одной части «Шахъ Наме». Упомянутый уже М. Чернявскій, начавшій свою поэтическую карьеру довольно безцвѣтными «Донецкими сонетами», далъ впоследствии сборникъ стихотвореній «Зори», отличающійся, кромѣ хорошаго языка, искренностью чувства и богатствомъ колорита. Менѣе удачны оригинальныя стихотворенія и переводы Ив. Стещенко (Овидіевы «Метаморфозы»). Е. Тым-

ченко, авторъ двухтомнаго малорусско-русскаго словаря, далъ хорошій переводъ «Калевалы»; сверстникъ и другъ Руданскаго, П. Нищинскій, начавшій писать по-украински только къ концу жизни — свободную передѣлку Софокловой «Антигоны», полный и прекрасный переводъ Гомеровою «Одиссеи» и неоконченный переводъ «Иліады» (12 пѣсень); почти всѣ эти переводы могли быть напечатаны только въ Галиціи. Нѣсколько удачныхъ стихотвореній и поэтическихъ разсказовъ дала Днипрова Чайка («Плавни горять»). Изъ лириковъ назовемъ еще Надію Кибальчичъ, Одарку Романову, Сергѣя Павленка и М. Воронаго. Своеобразное и ненормальное развитіе украинской литературы имѣло послѣдствіемъ, между прочимъ, обиліе такъ назыв. зарытыхъ талантовъ—людей, которые втихомолку, для удовлетворенія своей душевной потребности, трудились надъ разработкой украинской рѣчи, но при жизни не публиковали ничего или очень мало и пропустили моментъ, когда ихъ работа могла принести наибольшую пользу ихъ родинѣ. Къ такимъ талантамъ принадлежали: упомянутый уже Степанъ Руданскій, сочиненія котораго въ полномъ составѣ появились въ печати только четверть столѣтія послѣ его смерти; Василій Мова, опубликовавшій при жизни, подъ псевдонимомъ В. Лиманскаго, одно сильное стихотвореніе «Козачій кістякъ», но оставившій въ рукописяхъ значительное количество поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, до сихъ поръ напрасно ожидающихъ опубликованія. А. Навроцкій, одинъ изъ членовъ Кирилло-Меодіевскаго братства, который при жизни опубликовалъ только два небольшіе, удачные перевода изъ Мицкевича, но въ посмертныхъ бумагахъ оставилъ массу оригинальныхъ и переводныхъ произведеній. До нѣкоторой степени сюда же нужно отнести и Ивана Манжуру, украинскаго этнографа, издавшаго только передъ смертью «Сборникъ интересныхъ стихотвореній» и «Степови мотивы», и Щоголева, выступившаго на литературное поприще еще въ 40-ые годы, но прожившаго весь вѣкъ въ сторонѣ отъ украинскаго литературнаго движенія и только въ 70—80-хъ годахъ опубликовавшаго два сборника стихотвореній («Ворскло» и «Слобожанщина»), свидѣтельствующіе о недюжинномъ талантѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ носящіе на себѣ несомнѣнные слѣды отчужденности автора отъ болѣе живыхъ литературныхъ теченій.—Самое сильное и, можно сказать, неожиданное оживленіе литературной и научной жизни въ послѣднемъ десятилѣтіи произошло въ Галиціи. Въ началѣ 90-хъ годовъ существовавшее съ 1873 г. Товариство имени Шевченка преобразовано въ научное общество по типу европейскихъ академій. Дѣятельность этого общества оживилась, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его предсѣдателемъ сдѣлался М. С. Грушевскій, украинскій уроженецъ и воспитанникъ кіевскаго университета, занявшій въ львовскомъ университетѣ кафедру исторіи восточной Европы, съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ. Онъ организовалъ при обществѣ систематичную на-

учную работу, создалъ хорошую бібліотеку, богатую, особенно русскими научными изданиями, подготовилъ рядъ молодыхъ работниковъ по исторіи Украины (С. Томашивскій, С. Рудницкій и др.), давшихъ уже цѣнные вклады для изученія украинской исторіи, сосредоточилъ при обществѣ значительное число работниковъ изъ старшихъ поколѣній. До сихъ поръ общество издало 58 тт. «Записокъ», 7 тт. «Источниковъ для исторіи Украины» (документы съ вводными статьями), 4 т. систематическаго курса «Исторіи Украины» (трудъ проф. Грушевскаго, стоящій на высотѣ современной науки и вызвавшій лестные отзывы въ заграничной научной критикѣ). Далѣе общество собрало громадный этнографическій матеріалъ и издало до сихъ поръ 15 тт. «Этнографичного Збірника» (главные работники—В. Гнатюкъ, І. Роздольскій, И. Колесса), 7 тт. «Матеріаловъ для этнологіи Украины», частью археологическаго, частью описательно-этнографич. содержанія, подъ ред. О. Вовка, и замѣчательный трудъ В. Шухевича «Гудульщина» (въ 4 тт.). Немало сдѣлано и для исторіи украинской литературы. Еще до своей реорганизациі общество издало труды проф. Эм. Огоновскаго, занявшаго послѣ Я. Головацкаго кафедру украинскаго языка и литературы въ львовскомъ университетѣ, а именно его комментированное изданіе «Слова о Полку Игоревѣ» и его обширную «Исторію (южно) русской литературы», содержащую въ 24 тт. богатый и тщательно собранный матеріалъ для біографій и характеристикъ всѣхъ сколько-нибудь выдающихся писателей и ученыхъ южно-русскихъ за ХІХ в. Послѣ своей реорганизациі общество приступило къ печатанію систематическаго изданія собранныхъ И. Франко «Памятниковъ древней украинской письменности»; напечатанные до сихъ поръ 3 тома содержатъ въ себѣ старо- и ново-завѣтные апокрифы, собранные преимущественно изъ галицко- и угрорусскихъ рукописей, съ бібліографическими указаніями и вводными статьями. Кромѣ того изданъ длинный рядъ работъ по исторіи старой и новой Ю. литературы, по сравнительному изученію легендъ и по изученію польско-украинскихъ литературныхъ взаимодействій (важна особенно работа проф. Ал. Колессы: «Мицкевичъ и Шевченко»). Особыми книгами издало общество детальную біографію Т. Шевченка, написанную А. Я. Конисскимъ (2 т.) и начало полнаго собранія фольклорныхъ работъ М. Драгоманова (2 т.). Немало сдѣлано и для изученія Ю. языка. Еще въ 1880 г. изданы обществомъ цѣнные «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», Огоновскаго; послѣ реорганизациі общества опубликованы труды лучшаго знатока украинской діалектологіи, Ив. Верхратскаго (объ угрорусскихъ говорахъ, о діалектѣ галицкихъ Лемковъ, Замишанцевъ, о низинномъ діалектѣ), интересная работа В. Охримовича о Ю. удареніи и рядъ работъ В. Гнатюка объ угрорусскихъ говорахъ, Лексикологическая работа идетъ медленно: еще въ 70-ые г. во Львовѣ вышелъ словарь Ом. Партыцкаго (нѣмецко-русскій), въ 1886—88 гг. Евг. Желеховскаго

(укр.-нѣмецкій, 2 т.); общество имени Шевченка издало укр.-русскій словарь Уманця и Спілки (3 т.). Занятое учеными работами, общество имени Шевченка не упускало изъ виду и изящной письменности. До 1897 г. оно издавало иллюстрированный двухнедѣльникъ «Зоря», служившій единственнымъ періодическимъ литературнымъ органомъ для всей Украины. Одно время «Зоря» была допускаема цензурой въ Россію и имѣла здѣсь нѣкоторый успѣхъ (болѣе 400 подписчиковъ); но когда ввозъ ея въ Россію былъ запрещенъ, изданіе должно было бороться съ значительнымъ дефицитомъ и по инициативѣ проф. М. Грушевскаго и при его сотрудничествѣ, было съ 1898 г. замѣнено ежемѣсячнымъ журналомъ «Літературно-науковий Вістникъ», который издается и до сихъ поръ (ежегодно 4 т.). Этотъ журналъ сначала допускался въ Россію; послѣ двухъ лѣтъ его постигла участь «Зори», но онъ успѣлъ обезпечить себѣ въ Галиціи широкій кругъ читателей, и поэтому запрещеніе ввоза въ Россію не поколебало его существованія. Можно сказать, что Літ. Наук. Віст., особенно въ первые годы его изданія, былъ самымъ полнымъ выраженіемъ украинской литературы; здѣсь работали писатели старыхъ и молодыхъ поколѣній, украинцы и галичане. Только въ послѣдніе годы, когда цензурныя условія въ Россіи сдѣлались нѣсколько благопріятнѣе для украинской беллетристики, многіе украинскіе писатели предпочитаютъ печатать свои сочиненія у себя дома, особенно въ издаваемыхъ ежегодно альманахахъ, служащихъ суррогатомъ правильныхъ періодическихъ изданій. Изъ австро-русскихъ писателей, выступившихъ въ послѣднее десятилѣтіе, самый талантливый и оригинальный—Василь Стефанюкъ, издавшій до сихъ поръ три сборника небольшихъ новеллъ и этюдовъ: «Синя книжочка», «Каменный хрестъ», «Дорога». Съ большимъ мастерствомъ онъ вникаетъ въ душу галицко-русскаго крестьянина и умѣетъ рисовать тяжелыя психическія драмы тамъ, гдѣ другіе видятъ только обыденный фактъ экономической или соціальной жизни. Другой новеллистъ, Л. Мартовичъ, отличается ироніей и ѣдкимъ юморомъ и рисуетъ преимущественно положеніе крестьянина среди чуждыхъ и непонятныхъ ему бюрократическихъ галицко-польскихъ порядковъ (сборники: «Не-читальникъ» и «Війть Панько»). Легкимъ и безобиднымъ юморомъ отличается Іосифъ Маковой, написавшій, кромѣ ряда новеллъ (лучшая—«Оферма», изъ рекрутской жизни) и очерковъ, романъ «Залисье» и значительное количество стихотвореній (поэмы «Новикъ» и «Подорожъ на Украину»), а также монографіи о Кулишѣ, о Гундуличевомъ «Османѣ», о первыхъ галицкихъ грамматикахъ. Мягкостью колорита и нѣжностью чувства блестятъ новеллы и стихотворенія Богдана Лепкаго. Денисъ Лукьяновичъ далъ въ своемъ романѣ «За Кадыльну» интересный образъ бесплодной борьбы крестьянина за общинную землю, отнятую у общины паномъ. Сильныя, но иногда утрированныя картины казармы и военнаго госпиталя нарисовалъ М. Яцківъ,

неудачно пытавшийся дать большой рассказ из жизни русинской интеллигентной молодежи в своем «Огни горять». Рассказы Тимофея Бордуляка из жизни деревенского люда (крестьян, евреев), подъ загл. «Блыжні», нѣсколько примитивны по исполнению, но внушены вѣрнымъ наблюдениемъ жизни и искренней любовью къ рабочему люду. Андрей Чайковский, кромѣ интересныхъ воспоминаній изъ похода австрийцевъ въ Боснію и вообще изъ своей военной жизни, далъ рядъ романовъ изъ жизни мелкой шляхты («Олюнька», «Въ чужимъ гнізді»); Василь Загаевичъ — нѣсколько удачныхъ рассказовъ изъ жизни крестьянъ. Болѣе разнообразны очерки М. Дерлицы (сельскія ребята, сельская школа, городской пролетаріатъ, сельское духовенство). Изъ галицко-русскихъ прозаиковъ назовемъ еще Ярослава Окуневского, автора интересныхъ очерковъ изъ кругосвѣтнаго путешествія въ качествѣ военнаго врача на австрийскомъ флотѣ. Изъ галицко-русскихъ поэтовъ молодого поколѣнія, кромѣ упомянутыхъ уже Маковей и Лепкаго, слѣдуетъ назвать В. Шурата, давшаго, кромѣ ряда собственныхъ стихотвореній, много хорошихъ переводовъ («Пѣснь о Роландѣ» изъ старо-французскаго, кое-что изъ Гейне и многихъ современныхъ нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и русскихъ поэтовъ) и В. Пачовскаго который, кромѣ сборника очень музыкальныхъ стиховъ эротическаго содержания («Розсыпани перлы»), написалъ большую драму римованными стихами: «Сонъ украинской ночи», въ которой довелъ почти до абсурда символизмъ моднаго польскаго поэта Выспянского. Значительную роль въ развитіи галицко-русской литературы послѣднихъ десятилѣтій играютъ женщины. Честь инициативы принадлежитъ Натальѣ Кобрынской, представившей въ своихъ новеллахъ жизнь крестьянки и женщины изъ «средней полосы» интеллигенціи: учительницы, дочки и жены сельскаго священника («За для кусныка хлиба», «Ядзя и Катруся», «Пани Шуминска»). Кобрынская намѣревалась организовать эмансипаціонное движеніе среди галицко-русскихъ женщинъ, издала рядъ альманаховъ, составленныхъ изъ произведеній женщинъ («Першій вінокъ» въ 1888 г., «Наша доля»), созывала собранія женщинъ, подавала въ парламентъ петиціи, требующія для женщинъ средняго и высшаго образованія (въ Австріи до сихъ поръ нѣтъ правительственныхъ женскихъ гимназій), но безуспѣшно. Самый сильный и оригинальный женскій талантъ въ австрийской Руси — Ольга Кобылянская, уроженка Буковины. Воспитанная въ традиціяхъ нѣмецкой литературы, она начала писать по-нѣмецки во вкусѣ слащавой Марлиттъ, но вскорѣ, подъ влияніемъ Ницше и датчанина Якобзена, нашла другой тонъ и другія идеи и выступила проповѣдницей индивидуализма и свободной жизни. Она начала выводить въ своихъ рассказахъ («Царівна», «Русалка», «Valse mélancolique») женскіе типы, стоящіе выше своей среды и прокладывающіе себѣ дорогу внѣ проторенной колеи. Въ своихъ мелкихъ эскизахъ она пробовала подражать манерѣ современныхъ француз-

скихъ символистовъ и декадентовъ, рисовать туманныя сцены и ни съ чѣмъ живымъ не связанныя фигуры. Вскорѣ ея талантъ вступилъ на болѣе вѣрный путь, и она дала рядъ прелестныхъ картинъ изъ буковинской природы и жизни тамошняго народа («Битва», «Некультурна», «За готарь»), а также большой романъ изъ крестьянской жизни «Земля», исполненный глубокой поэзіи и рисующій потрясающую драму братоубійства изъ-за обладанія землей. Противоположныя воззрѣнія проводить въ стихотворной формѣ Ульяна Кравченко, которая также зоветъ галицко-русскую женщину «на новый шляхъ», побуждаетъ ее учиться и работать, но съ тѣмъ, чтобы она успѣшнѣе могла служить своему народу. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ молодомъ отпрыскѣ Южной Руси — о ея американскихъ колоніяхъ. Галицкіе и венгерскіе русины имѣютъ въ Америкѣ три значительныя группы колоній, содержащія въ общей суммѣ около полумилліона жителей: въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Бразиліи. Самыя старыя колоніи — въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ многіе русины успѣли обезпечить себѣ безбѣдное существованіе, создать нѣсколько десятковъ церквей и школъ, завести типографію, книжную торговлю и органы печати. Первымъ пионеромъ русинской печати былъ первый русинскій (уніатскій) священникъ въ Америкѣ, Волянскій, издававшій тамъ еще въ 80-хъ годахъ газетку «Америка». Теперь свящ. С. Макаръ издаетъ тамъ большую газету «Свобода» и кромѣ того неперіодически рядъ брошюръ и летучихъ листовъ просвѣтительнаго и беллетристическаго содержания. Своего вклада въ Ю. литературу Америка еще не дала: ни стихотворенія Гр. Грушки, ни рассказы Дмитрова, не смотря на интересное въ культурномъ отношеніи содержаніе (жизнь русинскихъ колонистовъ въ Америкѣ), не удовлетворяютъ требованіямъ художественности. Въ Канадѣ и Бразиліи русинская пресса пока только въ зачаточномъ состояніи.

Литература. О древнемъ періодѣ Ю. литературы, кромѣ общеизвѣстныхъ русскихъ учебниковъ Галахова и Порфирьева, см. «Исторіи русской лит.» Пыпина, работы проф. Владимирова и особенно сжатый очеркъ въ третьемъ томѣ «Исторіи Украины-Руси» М. Грушевскаго. О среднемъ періодѣ, кромѣ устарѣлаго перваго тома «Исторіи русской литературы» Ом. Огоновскаго, нѣтъ полнаго компендіума, а многочисленныя монографіи не даютъ полной картины; изъ работъ, обнимающихъ болѣе широкія темы, выдаются работы П. Житецкаго («Энеида» Котляревскаго) и Петрова («Очеркъ исторіи южнорусской литературы XVIII столѣтія»), дающій, однако, менѣе чѣмъ общаетъ заглавіе. Много работъ и матеріаловъ печаталось въ «Кіевской Старинѣ», «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» и «Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора лѣтописца», кое-что въ «Запискахъ наук. тов. ім. Шевченка» во Львовѣ, въ «Библиографическихъ пособіяхъ» Каратаева. См. еще библиографію Ундольскаго съ дополненіемъ къ ней Головацкаго, доведенную до XIX стол.;

преосв. Филарета (Гумилевскаго), «Обзоръ русской духовной литературы»; Пекарскаго, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» и т. п. Для изученія новой Ю. литературы самымъ богатымъ пособіемъ служить «Исторія руской литературы» Ом. Огоновскаго, не смотря на устарѣлый методъ и неуклюжесть изложенія; не потерялъ своей цѣнности «Очеркъ исторіи украинской литературы» Петрова и прекрасный разборъ этой книги, сдѣланный Н. Дашкевичемъ въ отчетѣ о присужденіи награды гр. Уварова. Много очерковъ и критическихъ статей объ отдѣльныхъ писателяхъ и цѣлыхъ періодахъ печаталось въ галицкихъ изданіяхъ «Правда», «Зоря», «Жите і Слово», «Народъ», «Літературно-науковий Вістникъ», въ жевевской «Громадѣ» и въ «Кіевской Старинѣ». Скучныя данныя о развитіи угро-русской письменности далъ Е. Сабовъ въ своей «Хрестоматіи» (Унгварь, 1893); о литературной жизни Буковинской Руси есть кое-что въ книжкѣ проф. Смаль-Стоцкаго: «Буковинська Русь». Важнымъ пособіемъ для изученія новой Ю. письменности служитъ опытъ библиографіи этой письменности М. Комарова (Рада, 1883), составленная имъ же библиографія Т. Шевченка (1903); для галицко-русской письменности имѣется образцово составленная библиографія за 1801—1889 гг. Ив. Левицкаго и его же библиографія за 1772—1800 гг. («Записки наук. тов. ім. Шевченка», 1903). Рядъ характеристикъ современныхъ Ю. беллетристовъ дала въ послѣднихъ годахъ «Кіевская Старина», въ которой особенно интересны критическія статьи С. Ефремова.

Иванъ Франко.

Объ авторѣ этой статьи, играющемъ выдающуюся роль въ Ю. литературѣ, см. Галицко-русское литер. общ. движеніе (VII, 921) и Франко (XXXVI, 473 сл.)

Южно-русская медицинская газета—органъ и изданіе общества одесскихъ врачей въ гор. Одессѣ, съ 1892 по 1897 г., подъ ред. О. О. Мочутковскаго, А. В. Корша, Н. А. Строганова, А. М. Финкельштейна и М. Г. Погребинскаго.

Южно-русская сельско-хозяйственная газета—издается съ 1895 г., ежедневно, харьковскимъ обществомъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, въ г. Харьковѣ. Редакторъ—предсѣдатель общества Арт. Авг. Бенике.

Южно-Русскій Горный Листокъ—издавался въ Харьковѣ съ 1880 по 1887 г., два раза въ мѣсяцъ. Издатель-редакторъ М. И. Яшевскій. Позже выходилъ подъ названіемъ «Горнозаводскій Листокъ» (см. IX, 258).

Южно-Славянскіе языки и нарѣчія—общее обозначеніе для языковъ Южныхъ славянъ: болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и словинскаго, съ ихъ нарѣчійми, поднарѣчійми и говорами. Эти языки болѣе или менѣе рѣзкими и характерными признаками отличаются отъ другихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, и въ то же время нельзя найти рѣзкихъ отличій между отдѣльными языками и нарѣчійми данной группы. *Ир. П.*

Южные славяне—см. Юго-славяне.

Южный берегъ—узкая береговая по-

лоса Крымскаго полуова вдоль Чернаго моря, между мысомъ Ласпи и гор. Алуштой (дл. ок. 80 в.). Крымскія горы (Яйла) защищаютъ Ю. берегъ отъ холодныхъ, сухихъ, материковыхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего климатъ его мягкій, сравнительно равномерный, что дѣлаетъ мѣстность однимъ изъ лучшихъ климатическихъ курортовъ. Здѣсь расположены гг. Ялта и Алушта, мст. Алупка, Мисхоръ, Ливадія, Массандра, Гурзуфъ и многія другія; ежегодно громадный наплывъ туристовъ и больныхъ. Объ особенностяхъ климата и природныхъ условіяхъ Ю. берега см. Крымскій полуовъ (XVI, 872—877), Таврическая губ. (XXXII, 461—466) и Ялта (гор. и уѣздъ).

Южный Бугъ—см. Бугъ Южный (IV, 834).

Южный вѣнецъ (Corona australis)—небольшое созвѣздіе, расположенное между 18^h 30^m и 19^h 0^m прямого восхожденія и 35° и 42° южнаго склоненія. Окружено созвѣздіями Стрѣльца, Скорпіона, Жертвенника. Принадлежитъ къ созвѣздіямъ (см.) Птолемея. Въ созвѣздіи одна звѣзда 4-й величины, двѣ — 5-й, восемь—6-й.

Южный Край—газета общественная, литературная и политическая, издается въ Харьковѣ съ 1880 г., ежедневно. Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ. При Ю. Краѣ выходило приложеніе: «Спутникъ Южнаго края» (1894—1897 г.). Первоначально прогрессивный органъ, Ю. Край вскорѣ примкнулъ къ «Москов. Вѣдомостямъ». Въ 80-хъ гг. наиболѣе виднымъ выразителемъ направленія газеты, яростно-враждебной идеямъ 60-хъ гг., былъ Говоруха-Отрокъ (см. Николаевъ, XXI, 112). Въ концѣ 90-хъ гг. Ю. Край освобожденъ отъ предварительной цензуры.

Южный крестъ—небольшое созвѣздіе между 12^h и 13^h прямого восхожденія и 55° и 65° южнаго склоненія; приходится на Млечномъ пути. Въ древности созвѣздіе подымалось надъ горизонтомъ въ Средней Европѣ; но южный полюсъ приблизился теперь къ нему вслѣдствіе прецессіи (см.) и созвѣздіе стало невидимымъ цѣликомъ даже на сѣверныхъ берегахъ Африки. Птолемей описываетъ Ю. Крестъ какъ часть созвѣздія Центавра. Названіе свое созвѣздіе получило отъ конфигураціи четырехъ звѣздъ: самая яркая (1.5 величины) къ югу, звѣзда 2-й къ сѣверу, двѣ (2-й и 3-й величины) по бокамъ. Ю. крестъ описанъ какъ отдѣльное созвѣздіе мореплавателями XVI вѣка. Помѣщенъ на звѣздную карту Байеромъ (см. Созвѣздія). Созвѣздіе воспѣто много разъ въ стихахъ; было извѣстно дикимъ народамъ южнаго полушарія. Главная звѣзда (α Crucis) — тройная; звѣзда γ Crucis мѣняетъ свой блескъ отъ 1.8 до 2.4 величины. Возлѣ звѣзды \mathcal{H} Crucis (6-й величины) находится знаменитое скопленіе «разноцвѣтныхъ» звѣздъ, описанное подробно еще Джономъ Гертелемъ.—Недалеко отъ Ю. креста расположена мѣстность (8° длины, 5° ширины) небснаго свода, совершенно лишениая звѣздъ, видимыхъ глазомъ, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ Млечнаго пути и получившая еще въ XVI вѣкѣ названіе «угольного мѣшка».